

4-я экз.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

СЕНТЯБРЬ.

1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ: 7

1. ТРЯСИНА	О. Н. Ольнемъ.
2. ФРАНЦУЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО	Е. Сталинскаго.
3. СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ	Гемфри Уордъ.
4. У КОСТРА	А. Петровскаго.
5. НАСЛѢДСТВО	Ф. Воскресенскаго.
6. МЕЛЬКОМЪ	Ф. Крюкова.
7. ЖИВАЯ СМЕРТЬ	Гильберта Уатсона.
8. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ
МАЛОРОССІИ	В. Мякотина.
9. ИЗЪ-ЗА РѢШЕТКИ. Стихотворенія	Ивана Лишенца.
10. ИЗЪ АНГЛІИ	Діонео.
11. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ	А. Петрищева.
12. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ	Н. С. Русанова.
13. ВОЙНА И КУЛЬТУРА	П. Мокіевскаго.
14. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ	А. Пъшехонова.
15. НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОСТИ	В. Мякотина.
16. НОВЫЯ КНИГИ.	
17. ФЕЛИКСЪ ВАДИМОВИЧЪ ВОЛХОВ-
СКІЙ	Н. Е. Нудрина.
18. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ ЖУР-
НАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.	
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

3 экз. в 4 экз.
Коп. в 1 экз.
С. О. Н.

Лѣдью ненависти къ „чужимъ“, наигрывать на звѣриныхъ инстинктахъ подонковъ современнаго населенія въ большихъ городахъ и среди бушующей „улицы“. Въ прессу какъ будто начинаютъ проскальзывать уже свѣдѣнія о томъ, что пѣмцы сами, повидимому, устыдились своихъ проявленій зоологической вражды и пытаются ввести въ извѣстное русло разбушевавшіеся грязныя волны шовинизма.

Н. С. Русановъ.

Война и культура.

Люди, пережившіе землетрясеніе, рассказываютъ, что при этой катастрофѣ одно изъ самыхъ тягостныхъ чувствъ вызывается сознаниемъ того, что земля, эта наша родная земля, на которую мы привыкли такъ доврчиво опираться, эта наша „твердая почва“, какъ бы уходитъ изъ-подъ нашихъ ногъ... И въ самомъ дѣлѣ: если мы лишаемся „почвы“, если мы не можемъ болѣе опираться на землю, то, спрашивается, на что же мы можемъ опереться...

Аналогичныя чувства, вѣроятно, испытали многіе изъ насъ теперь, когда зажегся всемірный пожаръ войны и когда вдругъ прославленная „культура Европы“ заколебалась, стала давать трещины и первобытные, звѣрскіе инстинкты начали явственно всплывать наверхъ...

И, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, насколько прочна наша культура, насколько первобытный звѣрь дѣйствительно первоспитанъ культурой, а не просто временно обузданъ ею.

При этомъ люди, въ достаточной степени знакомые съ біологіей и психологіей, конечно, лишній разъ съ болью въ сердцѣ вспоминаютъ о томъ, что всѣ благороднѣйшія, высшія образования отличаются значительной непрочностью, что они могутъ существовать лишь при гармоническомъ сочетаніи весьма многихъ элементовъ, т. е. лишь при довольно исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ они быстро гибнутъ, уступая мѣсто менѣе благороднымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и менѣе требовательнымъ образованиямъ. Въ организмѣ челоуѣка ткани нервная и мускульная легко уступаютъ свое мѣсто менѣе цѣнной соединительной ткани и особенно легко гибнетъ самая благородная — нервная ткань, причемъ ее легко замѣщаетъ соединительная ткань, а она сама никогда не замѣщаетъ этой соединительной ткани, такъ что здѣсь всякая потеря нервной ткани есть потеря навѣки.

И въ области духа мы видимъ то же самое. Психіатры знаютъ, что при душевныхъ заболѣваніяхъ прежде всего поражается самая высшая область челоуѣческаго духа: его нравственное сознание. Затѣмъ угасаетъ способность къ высшимъ теоретическимъ обоб-

щениямъ, тогда какъ всѣ низшія способности могутъ еще долго оставаться нетронутыми.

Какъ высшія проявленія индивидуальнаго развитія, такъ и высшія проявленія культуры коллективной предполагаютъ наличность весьма многихъ условий: это продуктъ гармоническихъ сочетаній очень большого числа болѣе простыхъ индивидуальныхъ и социальныхъ факторовъ, причемъ эти „болѣе простые“ факторы могутъ существовать безъ нихъ, а они не могутъ существовать не только безъ какого-либо изъ этихъ факторовъ, но даже и безъ гармоническаго сочетанія всѣхъ факторовъ.

Высшія проявленія человѣческаго духа обнаруживаютъ довольно парадоксальный характеръ: а именно, съ одной стороны, они обладаютъ огромной силой, они могутъ властно господствовать надъ низшими элементами, примѣромъ чего можетъ служить власть нравственнаго чувства, которое способно совершенно подавить всѣ самыя сильныя инстинкты и стремленія, до инстинкта самосохраненія включительно, — а, съ другой стороны, эти столь могущественныя высшія проявленія человѣческаго духа являются образованиями необычайно хрупкими: стоитъ только немного измѣниться условіямъ ихъ существованія и они претерпѣваютъ глубочайшую ломку. Примѣромъ этого можетъ служить не только опьяненіе, иногда радикально мѣняющее характеръ человѣка, но также и почти каждая болѣзнь: не особенно большое повышеніе температуры тѣла, нѣкоторое учащеніе пульса, незначительное расстройство кровообращенія — все это можетъ вдругъ весьма существенно измѣнить умственную и нравственную физиономію человѣка.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ между высшими и низшими элементами человѣческой личности еще недостаточно изученъ, но во всякомъ случаѣ можно съ полной увѣренностью утверждать, что культура въ гораздо большей степени „шлифуетъ“ человѣка, чѣмъ перерождаетъ его. Извѣстно, что таковой крупный мыслитель, какъ Бокль, отрицалъ существованіе прогресса въ нравственной области. И если теперь можно сказать съ увѣренностью, что Бокль ошибался, то все-таки ошибка Бокля является вполне понятной, ибо, дѣйствительно, существуетъ огромное различіе между измѣненіемъ въ поведеніи человѣка лишь подъ влияніемъ культурной обстановки, т. е. подъ влияніемъ того, что Спенсеръ называетъ „эго-альтруистическими“ чувствами, и тѣмъ измѣненіемъ въ его поведеніи, которое знаменуетъ собою возникновеніе у него настоящихъ альтруистическихъ чувствъ. Только въ послѣднемъ случаѣ мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ передъ собою дѣйствительно новаго человѣка и можемъ говорить о прочномъ повышеніи нравственнаго уровня, а не о простомъ усовершенствованіи въ шлифовкѣ вѣжливаго поведенія.

А едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что весьма значительная доля той „мягкости правовъ“ и того „нравственнаго поведенія“, которыми отличается современное культурное общество, есть результатъ простой шлифовки, что звѣрь въ человѣкѣ еще только обузданъ, а не просвѣтленъ, и во всякомъ случаѣ, что онъ весьма мало просвѣтленъ.

Мы не будемъ указывать здѣсь на такіе исключительные и, пожалуй, паталогическіе случаи, какъ безумная паника во время пожаровъ въ театрахъ, во время кораблекрушеній и т. п., когда сильные мужчины ножами прокладываютъ себѣ дорогу, давя женщинъ и дѣтей,—мы укажемъ лишь на то, какъ легко люди нарушаютъ всѣ нравственныя требованія, лишь только для этого найдется благовидный предлогъ. „Слово, данное еретикъ, недѣйствительно“: руководясь этимъ принципомъ, можно было и сохранить репутацію человѣка, ~~и~~ ~~не~~ своему слову, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззапѣчливо нарушить это слово. И развѣ мы не видимъ, какъ безпрестанно повторяется подобная аргументація? Извѣстный австрійскій реакціонеръ князь Виндишгрецъ говорилъ, что „человѣкъ начинается съ барона“. И, повидимому, Виндишгрецъ дѣйствительно не считалъ себя связаннымъ какими бы то ни было нравственными обязательствами по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не имѣли хотя бы баронскаго титула. Не всѣ такъ откровенно и такъ цинично формулируютъ свои мысли, но много ли найдется людей, которые никогда не пользовались двумя нравственными кодексами: однимъ для „своихъ“ и другимъ для „чужихъ“? „Мы“ и „они“, какъ недавно формулировалъ одинъ духовный преемникъ Виндишгреца, „мы“ и „они“ должны быть подчинены двумъ различнымъ нравственнымъ кодексамъ: въ сношеніяхъ съ „нашими“ слѣдуетъ пользоваться однимъ нравственнымъ правилами, а въ сношеніяхъ съ „не-нашими“—другими.

Стоитъ вдумчиво относиться къ окружающей дѣйствительности, чтобы замѣтить, какъ широко распространено подобное явленіе.

Сознательно или безсознательно, т. е., ссылаясь на ясно сформулированный принципъ или просто вслѣдствіе извѣстной нравственной тупости, но люди весьма и весьма часто руководятся особыми нравственными предписаніями по отношенію ко всѣмъ „не-нашимъ“, т. е., по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые отличаются отъ нихъ расой, національностью, религіей, убѣжденіями, профессіей, общественнымъ положеніемъ, поломъ или даже просто возрастомъ.

Поскольку человѣкъ находится подъ властью не постоянныхъ нравственныхъ, альтруистическихъ чувствъ, а лишь чувствъ эго-альтруистическихъ, т. е. поскольку онъ лишь стремится заслужить похвалу, избѣжать осужденія и т. п., постольку ему достаточно лишь угодить небольшой кучкѣ „своихъ“: тѣхъ людей, отчужденіе которыхъ заставило бы его испытать полное одиночество со всѣми

его тяжелыми послѣдствіями. Лишь психологіей этой кучки онъ проникается, лишь съ нравственными требованіями этихъ людей онъ соображается. А всѣ остальные — „не наши“, т. е. не люди, по откровенному признанію Виндигштеда.

Если таково теперь нравственное состояніе человѣчества, если теперь господствующую роль играетъ лишь „шлифовка“ культуры, лишь эго-альтругистическія чувства, то естественно, что война, эта открытая борьба со всѣми „не-нашими“, должна сопровождаться взрывомъ жестокихъ, звѣрскихъ чувствъ, что нравственные устои общества должны быть временно поколеблены, что „культура“ должна дать большія трещины...

Цѣль этой замѣтки заключается не въ томъ, чтобы прибавить еще нѣсколько страницъ къ той громадной литературѣ, которая направлена противъ войны и которая является выраженіемъ анти-милитаристскихъ тенденцій современныхъ обществъ. Нѣтъ, мы будемъ говорить здѣсь не о самой войнѣ, а лишь о тѣхъ побочныхъ явленіяхъ, которыя связаны съ войной. Мы хотимъ напомнить русской публикѣ, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ критически относиться къ голосу инстинктовъ, слѣдуетъ держать себя въ уздѣ.

Ибо взрывъ жестокихъ инстинктовъ во многихъ мѣстахъ очевиденъ. Начну съ того, что дѣлается въ Германіи. Я не буду повторять здѣсь газетныхъ сообщеній, не буду также передавать и того, что мнѣ приходилось уже здѣсь въ Петербургѣ слышать отъ лицъ, такъ или иначе потерпѣвшихъ въ Германіи. Я ограничусь лишь личными наблюденіями.

Передать эти мои личныя наблюденія будетъ не легко, ибо я переѣхалъ германскую границу за нѣсколько часовъ до объявленія войны и поэтому никакихъ яркихъ, рѣзкихъ фактовъ я не наблюдалъ. То обстоятельство, что кондуктора и кельнеры были уже грубы и рѣзки съ русскими; что тѣхъ пассажировъ, которые по наивности или по недостаточной сдержанности спрашивали на станціяхъ, пропустятъ ли насъ черезъ границу, желѣзнодорожныя служащіе съ грубымъ смѣхомъ пугали увѣреніями, будто всѣ мы будемъ арестованы; затѣмъ то обстоятельство, что насъ на мелкой станціи высадили изъ вагоновъ, продержали довольно долго подъ дождемъ и затѣмъ всѣхъ насъ, пассажировъ огромнаго поѣзда въ 13 биткомъ набитыхъ вагоновъ, втиснули въ 4 товарныхъ вагона; — всѣ эти мелкіе факты, которые мнѣ лично пришлось наблюдать, конечно, слишкомъ ничтожны, чтобы *сами по себѣ* они достойны были сообщенія. Но тягостное впечатлѣніе было вызвано не этими мелкими фактами, а тѣмъ непередаваемымъ, но ясно мною воспринятымъ общимъ настроеніемъ, которое царило въ Берлинѣ въ день объявленія военнаго положенія и послѣ обращенія Вильгельма къ народу. Хорошо мнѣ знакомый привѣтливый и

благодушный Берлинъ былъ неузнаваемъ: онъ озвѣрѣлъ. Пусть гѣмцы были введены въ заблужденіе, пусть они искренняе воображали, что не Вильгельмъ собирается объявить войну Россіи, а сама Россія нападаетъ на Германію,—но все-таки сразу стало ясно, что берлинцевъ обуялъ не только пылъ патриотовъ, рѣшившихъ отстаить свою родину, но еще и злоба и ненависть ко всему русскому. И германское правительство, и германскія газеты усердно натравляли малосвѣдущую публику на все русское. Я перечиталъ нѣсколько газетъ и оказалось, что все онѣ не ограничивались призывомъ къ „защитѣ отечества“, но еще и разжигали низменные страсти толпы. И въ результатѣ всего этого не только слышалась смѣшная похвальба, вродѣ обѣщанія „прійти въ Россію и съѣсть всю русскую икру“, но еще и раздавался призывъ не щадить ничего русскаго, ибо русскіе это—просто свиньи (слово „Schweine“ сдѣлалось стереотипной характеристикой русскихъ). Нужно еще помнить, что русскіе для нѣмцевъ вообще, а для берлинцевъ въ особенности, отнюдь не являются какими-нибудь незнакомцами, относительно которыхъ можно безопасно сочинять всякія сказки. Нѣтъ, всякій, кто бывалъ въ Берлинѣ, знаетъ, что Берлинъ кипитъ русскими и что, особенно лѣтомъ, главная улица Берлина „Unter den Linden“ является просто полурусской улицей. Много видѣли берлинцы русскихъ, много помучили отъ нихъ денегъ, много было даже завязано у нихъ хорошихъ личныхъ отношеній съ русскими,—и вдругъ шовинизмъ Вильгельма и его приспѣшниковъ рѣзко измѣнилъ настроеніе толпы. Нужно было только имъ громко крикнуть, что русскіе „не наши“, что они „враги“, и культурное настроеніе нѣмцевъ не выдержало напора звѣрскихъ инстинктовъ. Поѣздъ, увозившій меня изъ Берлина, былъ переполненъ русскими; общей темой для бесѣдъ былъ, конечно, вопросъ о томъ, какъ реагируютъ нѣмцы на предстоящую войну. И мнѣ пришлось слышать печальные рассказы о томъ, какъ напримѣръ, даже врачи, забывши свою священнѣйшую обязанность, отказывались помогать больнымъ, какъ выселяли изъ санаторій людей, которые были давнишними посѣтителями этихъ санаторій, и т. д., и т. п.

Однимъ словомъ, мнѣ стало ясно, что бѣдный, въ сущности добродушный Михель окончательо сбился съ толку своимъ Кайзеромъ и его приспѣшниками...

Я возвратился въ Россію. Съ большимъ интересомъ сталъ я наблюдать, каково настроеніе моей родины, которую я покинулъ всего мѣсяць тому назадъ такою миролюбивою, такою далекою отъ мысли о возможности этой внезапной войны. Конечно, прежде сего бросились въ глаза общій подъемъ и общее возбужденіе. Войска бодро шли на встрѣчу врагу. Но, къ сожалѣнію, скоро выяснилось, что часть нашей печати, т. е. нѣкоторые изъ тѣхъ, обязанность которыхъ заключается въ правильномъ освѣщеніи и осмысливаніи текущихъ событій, не ограничиваются оказаніемъ по-

сильной помощи въ борьбѣ съ врагомъ, но еще и пытаются разжечь ненависть ко всему нѣмецкому, что эти люди, повидимому, стремятся къ тому, чтобы русскіе забыли, что нѣмцы—наши братья, что нѣмецкій народъ въ своей массѣ есть миролюбивый труженикъ и что преступная авантюра затѣяна не народомъ, а лишь правительствомъ Германіи.

Мы, не менѣе страстно, чѣмъ кто бы то ни было, желаемъ быстрой и рѣшительной побѣды Россіи; мы желаемъ, чтобы преступное стремленіе нѣмецкихъ юнкеровъ къ всемірному господству было навсегда сокрушено... Но мы также желаемъ и того, чтобы русскіе не считали ответственными нѣмецкихъ Михелей за преступленіе ихъ правителей. Мы желаемъ и того, чтобы по окончаніи войны побѣдоносные Иваны и Петры братски протянули свои руки Михелю и лишь сказали бы ему: „И какъ это ты, Михель, далъ одурачить себя Вильгельму и его преемникамъ“!

Однимъ словомъ, мы страстно желаемъ Россіи высшей побѣды не только побѣды надъ вѣншимъ врагомъ, но и побѣды надъ своими низшими инстинктами... Мы уже говорили, что эти инстинкты сильны въ человѣчествѣ, что легкое наслоеніе высшихъ образованій всегда можетъ быть разорвано волнующейся массой низшихъ инстинктовъ. И поэтому, когда мы видимъ безумную и преступную попытку взволновать эти низшіе инстинкты, мы не можемъ не обратиться къ инициаторамъ этой дѣвой затѣи съ предупрежденіемъ:

О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится..

П. Мокіевскій.

На очередныя темы.

„Единая Россія“.

I.

15 іюля Австрія объявила войну Сербіи. Какъ разъ въ этотъ день генераль Думбадзе былъ въ Алуштѣ. Послѣ торжественнаго молебствія (отслуженнаго, повидимому, по случаю его приѣзда) онъ обратился съ рѣчью къ представителямъ мѣстнаго населенія,—христіанскаго, мусульманскаго и еврейскаго. Генераль высказалъ „самое горячее, искреннее свое желаніе работать на благо мѣстнаго края, быть полезнымъ всему населенію, безъ различія вѣроисповѣданія“. „Помните одко,—сказалъ генераль—не вы для насъ, а мы, чиновники, назначены для васъ, для вашихъ нуждъ...“

Восемь лѣтъ прежней административной дѣятельности—продолжалъ онъ—въ счетъ не могутъ идти. Тогда я законовъ не зналъ... Некогда было въ книги заглядывать, вѣсомъ въ два пуда"... 1) Въ тотъ же день г. Думбадзе посѣтилъ мечеть и синагогу, тамъ молился. И въ синагогѣ сказалъ новую рѣчь евреямъ, убѣждая ихъ всегда обращаться къ нему со всѣми ихъ нуждами. „Всѣми силами—говорилъ онъ—буду стараться пойти на встрѣчу вамъ“. Слухи о томъ, будто бы онъ иначе относится къ евреямъ, чѣмъ къ русскимъ, генераль назвалъ выдумкой его враговъ. „Пусть Богъ будетъ судьей между мной и ими. Желаю счастья вамъ и вашимъ семьямъ“,—закончилъ онъ свою рѣчь... Евреи были въ восторгѣ и устроили генералу овацію.

Такимъ образомъ генераль Думбадзе однимъ изъ первыхъ понялъ, что необходимо прекратить „внутреннїя распри“. Онъ такъ спѣшилъ заключить миръ, что ему показалось даже, будто этихъ распри у него съ населеніемъ и не было,—было лишь недоразумѣніе, поддерживавшееся его врагами и объяснявшееся просто тѣмъ, что онъ не зналъ законовъ...

Генераль Думбадзе былъ однимъ изъ первыхъ... Но и потомъ инициатива „объединенія“ нерѣдко шла отъ людей крайняго праваго лагеря. Напомню хотя бы сценку, которая произошла въ Зимнемъ дворцѣ послѣ приѣма государемъ законодательныхъ палатъ. По описанію „Рѣчи“ дѣло было такъ:

В. М. Пуришкевичъ подходит къ петербургскому депутату М. Д. Калугину и заявляетъ ему, что въ такое время, какое переживаетъ теперь Россія, не должно быть ни правыхъ, ни лѣвыхъ, и проситъ познакомить его съ П. Н. Милюковымъ.

М. Д. Калугинъ, въ сопровожденіи В. М. Пуришкевича, подходит къ П. Н. Милюкову и знакомитъ ихъ.

— Членъ Гос. Думы Милюковъ... Членъ Гос. Думы Пуришкевичъ...

В. М. Пуришкевичъ и П. Н. Милюковъ подають другъ другу руки 2).

„Всѣ были объединены однимъ чувствомъ“,—писали по этому поводу „Биржевыя Вѣдомости“. По словамъ этой газеты, съ П. Н. Милюковымъ, кромѣ Пуришкевича, тамъ же, въ Зимнемъ дворцѣ, „объединился“ и Н. Е. Марковъ 2-й. Минуя всякихъ посредниковъ, онъ самъ подошелъ къ г. Милюкову, протянулъ ему руку и сказалъ:

— „Позвольте представиться. Теперь все кончено. Мы можемъ говорить другъ съ другомъ. Напрасно вы думали, что мы противъ народнаго представительства. Мы всегда были лишь противъ бюрократіи“...

Оказывается, и тутъ было только недоразумѣніе... „П. Н. Милюковъ пожалъ Н. Е. Маркову 2-му руку“ 3).

1) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 20 іюля

2) „Рѣчь“, 27 іюля.

3) „Биржевыя Вѣдомости“, 26 іюля.

Изъ крайнихъ правыхъ возьму еще г. Шмакова. Его юдофобство, при взглядѣ со стороны, всегда представлялось чѣмъ-то вроде мани, и ужь онъ-то, казалось, никогда не можетъ дойти до объединенія съ „іудеями“. Но и онъ не устоялъ, и онъ считаетъ нужнымъ преобразить „распри“. „И—заявилъ онъ, когда его спросили о евреяхъ,—отнынѣ прѣвѣтствую объединеніе національностей Россіи. Отнынѣ дѣло национальной травли, дѣло вражды и распри прекращено“¹⁾.

Было бы ошибкой однако представлять себѣ дѣло такъ, что склонность къ объединенію ранѣе всего зародилась или сильнѣе всего сказалась въ правыхъ кругахъ. Въ тотъ самый день, когда генералъ Думбадзе произносилъ свои рѣчи въ Алутѣ, Общество научно-славянскаго единенія въ С.-Петербургѣ обратилось съ воззваніемъ къ русскимъ гражданамъ, убѣждая ихъ, что „передъ величіемъ переживаемой минуты должны умолкнуть всѣ внутреннія несогласія“. Воззваніе это было подписано президентомъ Общества, профессоромъ В. М. Бехтеревымъ, который, при всей двусмысленности нѣкоторыхъ его выступленій, какъ-никакъ находился до сихъ поръ все-таки не въ томъ лагерѣ, гдѣ были Шмаковъ, Думбадзе и Пуришкевичъ. Достаточно вѣдь вспомнить хотя бы дѣло Бейлса...

Черезъ день въ газетахъ, подъ заголовкомъ: „Русское прогрессивное общество о современномъ моментѣ“, появилась резолюція тридцати ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, обсуждавшихъ этотъ моментъ въ квартирѣ и подъ предсѣдательствомъ національ-радикала г. Брянчанинова. „Къ русскому обществу—говорилось между прочимъ въ этой резолюціи—мы обращаемся съ призывомъ объединиться въ серьезнѣйшій историческій моментъ и не усложнять внѣшнихъ задачъ Россіи внутренними распрями“²⁾.

19 іюля въ Москвѣ состоялось большое собраніе въ Политехническомъ музеѣ, на которомъ выступалъ цѣлый рядъ ораторовъ. „Большое впечатлѣніе, по словамъ газетъ, произвела рѣчь извѣстнаго въ Москвѣ общественнаго дѣятеля д-ра Баженова, говорившаго отъ лица прогрессивной партіи и указавшаго, что въ переживаемый моментъ не можетъ быть розни между правительствомъ и обществомъ, не можетъ быть мѣста предъявленію какихъ бы то ни было счетовъ къ правительству“. „Все русское общество—говорилъ ораторъ—должно поддержать правительство. Единственной формулой для всего русскаго общества должна быть теперь одна формула: единеніе“. Тутъ же выступилъ и „политическій антиподъ“, какъ выразилась одна изъ газетъ, д-ра Баженова. „Представитель союзнической организаціи, извѣстный Орловъ, съ своей стороны отмѣтилъ, что сейчасъ сглаживаются всѣ партійныя раз-

1) „Биржевыя Вѣдомости“, 11 августа.

2) „Биржевыя Вѣдомости“, 17 іюля.

личія и всѣ партіи подають одна другой руки. Одушевленіе присутствовавшихъ—прибавлялъ корреспондентъ—не поддается описанію¹⁾.

Послѣ того, какъ война сдѣлалась неизбежной, съ лозунгомъ объединенія выступила и к.-д. печать, пытавшаяся до этого вести „борьбу за миръ“. А 22 іюля въ газетахъ появилось воззваніе „руководителей партій народной свободы“, которые писали: „отложимъ внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія“.

Тяга къ объединенію, несомнѣнно, сказала и въ болѣе лѣвыхъ кругахъ, — даже въ эмигрантскихъ. Достаточно въ этомъ случаѣ назвать хотя бы известнаго В. Л. Бурцева, который, по газетнымъ свѣдѣніямъ, обратился съ воззваніемъ, приглашая всѣхъ русскихъ объединиться около своего правительства, — около того самаго правительства, которому г. Бурцевъ еще такъ недавно и такъ настойчиво предъявлялъ свои обвиненія и которое, съ своей стороны, обнаружило склонность всякаго сношенія съ г. Бурцевымъ вмѣнять русскимъ гражданамъ въ преступленіе. До Россіи дошло также (при посредствѣ итальянскихъ газетъ) письмо г. Амфитеатрова, въ которомъ онъ горячо рекомендуетъ русскимъ эмигрантамъ ѣхать въ Россію для поступленія въ дѣйствующую армію, а кому нельзя вернуться въ Россію—поступать въ ряды французскихъ войскъ и сражаться хотя бы въ качествѣ союзниковъ²⁾. Самъ г. Амфитеатровъ, какъ известно, давно уже не рѣшается показаться въ Россію...

Изъ сказаннаго видно, что стремленіе къ объединенію сразу же дало о себѣ знать чуть не по всему фронту русской общественности. Но нагляднѣе всего оно сказалось, пожалуй, въ „историческомъ засѣданіи“ Государственной Думы. Досрочный созывъ законодательныхъ палатъ, какъ известно, былъ мотивированъ желаніемъ исторической власти „въ виду присланныхъ отечеству нашему тяжкихъ испытаній“ „быть въ полномъ единеніи съ народомъ“. Депутаты, повидному, поняли это такъ, что вся задача ихъ въ эту тяжелую годину народной жизни сводится къ тому, чтобы продемонстрировать объединеніе Россіи. И эту задачу они выполнили, можно сказать, блестяще. „Да!—писало „Новое Время“.— Сегодня и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ залѣ Г. Думы говорила *единая* Россія. Великій патріотическій порывъ объединилъ въ мощномъ чувствѣ государственнаго единства всю многомилліонную и многотысячную Россію... Въ минуту грозной опасности извнѣ она встанетъ, какъ одинъ человекъ, вокругъ своего Верховнаго Вождя“³⁾.

Значеніе думской манифестаціи — а къ ней, въ сущности, и

¹⁾ См. „Новое время“ и „Русскія Вѣдомости“, 20 іюля.

²⁾ См. „Кіевскую мысль“ отъ 10 августа.

³⁾ „Новое Время“, 27 іюля.

смыслъ все „историческое засѣданіе“—было тѣмъ больше. что эта манифестація завершала и вѣнчала собою цѣлый рядъ другихъ, въ которыхъ, какъ предполагалось, говорила та же „единая Россія“. Но на этотъ разъ манифестировали уже не шуваловскія дачницы, которыя „размахивали зонтиками и угрожающе кричали: долой нѣмцевъ!“¹⁾—а народные представители, дающіе солдатъ въ армію и деньги на вооруженіе. И вотъ они-то обѣщали не пожалѣть крови чтобы утопить въ ней „тирана Европы“. Это былъ уже не красно сельскій театръ, гдѣ на парадномъ спектаклѣ манифестировала строго отобранная публика²⁾ и не „залъ телеграммъ“ националистической газеты, изъ котораго на глазахъ у всѣхъ появлялись „руководители“ уличныхъ манифестацій съ заранѣе приготовленными портретами и флагами, а законодательное собраніе, въ которомъ—какъ полагають нынѣ „Современное Слово“—„все отъѣнки мнѣній законно и исчерпывающимъ образомъ представлены“³⁾. И вотъ это-то собраніе выразило свою мысль и чувство въ единодушныхъ кликахъ, свою мысль и волю—въ единогласныхъ вотумахъ.

II.

Единая Россія... Таковъ сейчасъ лозунгъ. „Единая мысль“, „единое чувство“, „единая воля“—такъ и нестрять въ газетахъ. „Въ этомъ единеніи всѣхъ народныхъ силъ, изгнавшемъ распри и раздоры изъ нашей жизни, въ слияніи воли Государя съ народной волей — драгоцѣннѣйшій залогъ успѣха въ той тяжелой борьбѣ, которая предстоитъ нашему отечеству“⁴⁾. Такъ пишутъ въ своемъ воззваніи октябристы. „Новое Время“ видитъ въ этомъ единеніи „крупное моральное пораженіе враговъ, безъ капли пролитой крови“. „Они ошиблись...—радостно восклицаетъ въ „Рѣчи“ видный членъ к.-д. фракціи, екатеринославскій депутатъ Александровъ. — Они ошиблись и повѣрили глупой клеветѣ о неспособности русской интеллигенціи и народа проявить чувство пламеннаго патриотизма для защиты чести и достоинства Россіи. Имъ казалось, что война для Россіи есть начало разложенія и что они чуть ли не голыми руками совершатъ надъ ней свои насильническія дѣйствія... И какой достойный отвѣтъ дала имъ Россія: они не только насъ не запугали и не дезорганизовали, а своимъ подлымъ нападеніемъ они заставили Россію встрепенуться, они объединили ее отъ края до края и обратили въ несокрушимую силу. Въ три дня образовалась титаническая спайка съ единой мыслью, съ единымъ чувствомъ. Счастливы тотъ, кто живетъ въ эти великіе дни!“⁵⁾ П. Б. Струве на банкетѣ, устроенномъ проф. Вве-

1) „Новое Время“, 18 июля.

2) „Новое Время“, 15 июля.

3) „Современное Слово“, 21 июля.

4) „Новое Время“, 26 июля.

5) „Новое Время“, 27 июля.

денскимъ, предостерегалъ отъ излишняго опыненія побѣдами, но и онъ находилъ, что „одну побѣду Россія уже одержала, и она заключается въ томъ, что достигнуто единеніе власти съ народомъ“¹⁾.

Можно ли однако сказать, что единеніе уже достигнуто? Стремленіе къ объединенію, какъ мы видѣли, дѣйствительно, сказалось въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ и проявилось въ совершенно наглядныхъ формахъ. Съ разныхъ сторонъ послышались голоса, что необходимо прекратить распри. Но гарантируетъ ли это, что распри и не будетъ? Вѣдь, вотъ, передъ войной всѣ державы увѣряли, что онѣ желаютъ сохранить миръ, и можно думать, что въ большинствѣ онѣ были вполнѣ искренни. Но, не смотря на это, мировая война все-таки разразилась. И въ данномъ случаѣ важны вѣдь не воззванія, не слова, не обѣщанія, а тѣ фактическія отношенія, какія устаноятся между общественными группами и дѣятелями, имѣющими разные интересы и мнѣнія. А эти отношенія могутъ вѣдь и разойтись съ высказанными теперь пожеланіями и даваемыми обѣщаніями.

Можно, напримѣръ, не сомнѣваться въ самомъ горячемъ, искреннемъ желаніи генерала Думбадзе служить отнынѣ всему населенію, безъ различія вѣроисповѣданія. Но можно ли быть увѣреннымъ, что у него найдется теперь время „заглядывать въ книги, вѣсомъ въ два пуда?“ Вѣдь теперь еще недосуженіе будетъ... Да и найдетъ ли онъ въ этихъ книгахъ указанія, какъ служить, напримѣръ, евреямъ? Возьмемъ, съ другой стороны, г. Бурцева: можно ли ожидать, что онъ отнынѣ будетъ благосклонно взирать на провокацію, еслибы таковая продолжалась, и не разоблачить уже поваго Азефа, еслибы таковой появился?

Единеніе всѣхъ народныхъ силъ для борьбы съ грознымъ внѣшнимъ врагомъ, несомнѣнно, представляетъ въ высшей степени важный, быть можетъ, даже главный залогъ успѣха. Правы въ этомъ отношеніи октябристы. Но поэтому-то и нельзя слишкомъ ужъ легко относиться къ этому объединенію, поэтому-то и нельзя считать дѣло сдѣланнымъ, когда оно, быть можетъ, еще и не начато. Допустимъ, что у насъ оказалась крѣпость, которой не ожидали враги. Въ дѣйствительности, это—даже не крѣпость, а только готовность ее построить; можетъ быть, и того меньше: только желаніе ее имѣть. Достаточно ли этого, чтобы праздновать уже побѣду? Не слѣдуетъ ли, прежде всего, укрѣпить эту крѣпость, проявить эту готовность, осуществить это желаніе? Не въ этомъ ли заключается сейчасъ задача?

И задача — не будемъ обманывать себя — въ высшей степени сложная и трудная. Втеченіе ряда лѣтъ въ Россіи происходили

1) „Рѣчь“, 23 июля.

2) „Рѣчь“, 26 июля.

ожесточенныя внутреннія распри. Одно время онѣ могли казаться какъ будто утихшими,—Россію даже официально признавали „успокоенной“,—но въ дѣйствительности эти распри, конечно, были только подавлены и въ послѣдніе годы начали опять быстро разгораться. Какъ разъ передъ войной въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ обострились до чрезвычайности. Не забудемъ: что, когда Австрія предъявила свой ультиматумъ Сербіи, на улицахъ Петербурга раздавались выстрѣлы и были даже попытки строить баррикады. Конечно, это былъ не общій пожаръ, не революція, какъ полагали, быть можетъ, наши враги, а лишь одна изъ эпизодическихъ вспышекъ, притомъ уже затихавшая. Когда надвинулась внѣшняя опасность, то картина сразу измѣнилась. Тѣ самые рабочіе, въ которыхъ только что стрѣляли, безъ всякаго протеста явились на сборные пункты. И правительство безъ всякаго страха вручило этимъ недавнимъ „буштовщикамъ“ ружья. О расприхъ не было и помину,—всѣхъ объединили, если употребить выраженіе „Новаго Времени“, „могучій патріотическій порывъ“.

Этотъ „могучій порывъ“, хотя онъ и показался многимъ неожиданнымъ, былъ, въ сущности, совершенно естествененъ. Такъ реагируетъ на внѣшнюю опасность всякій живой организмъ,—даже больной, даже израненный. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что на челоуѣка, одержимаго тяжкимъ недугомъ и стонущаго отъ невыносимыхъ болей, нападутъ разбойники. Онъ вѣдь сразу прекратитъ стоны, забудетъ про свои боли и раны, соберетъ и напряжетъ всѣ свои силы, лишь бы отстоять жизнь, которой угрожаетъ опасность.

Но это не значитъ, конечно, что онъ моментально выздоровѣетъ. Бываетъ,—медицинѣ извѣстны такіе случаи,—что подобное напряженіе оказывается иной разъ благотѣльнымъ для организма и, переживъ его, больной начинаетъ быстро поправляться. Но такіе случаи—все-таки исключеніе. Не слѣдуетъ упускать изъ виду другіе исходы, а они могутъ быть самые разнообразныя. Больной во всякій моментъ можетъ напомнить о себѣ, особенно если нападающій или самъ больной задѣнетъ больное мѣсто, разбередитъ незажившую рану. Энергія обороняющагося въ такомъ случаѣ сразу ослабѣетъ и въ силахъ онъ почувствуетъ упадокъ, который можетъ оказаться роковымъ для него.

Россія, на которую напали враги, сейчасъ переживаетъ, можно сказать, такой же „могучій порывъ“, собираетъ и напрягаетъ всѣ силы. Этыхъ силъ у нея, конечно, много; можно сказать, что ихъ имѣется неисчерпаемый запасъ. Но во внѣшнюю борьбу ей пришлось вступить послѣ тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній, когда новый государственнй строй еще не окрѣпъ и даже, какъ слѣдуетъ, не установился, когда соотношеніе между силами стараго и новаго порядка окончательно еще не опредѣлилось.

Если, основываясь на этомъ, наши враги рассчитывали,—какъ

полагаетъ г. Александровъ,—что съ ихъ нашествіемъ немедленно начнется разложеніе Россіи, что они могутъ чуть не голыми руками совершить надъ ней свои насильническія дѣйствія, то можно сказать, что ихъ расчеты были не очень основательны. Такъ же не очень основательны были расчеты и тѣхъ нашихъ политиковъ, которые увѣрили, что при первомъ же столкновеніи „доскутная имперія“, какъ они любятъ называть Австрію, вся расползется. Современное государство представляетъ изъ себя очень сложный организмъ, въ которомъ части связаны другъ съ другомъ безчисленными количествомъ волоконъ и нитей, не только политическихъ, но и экономическихъ. Это не то, что прежде, когда въ лучшемъ случаѣ ихъ связывали только государь, языкъ и вѣра, а въ худшемъ — просто голая сила. Тогда, дѣйствительно, отдѣльныя части могли сравнительно легко отпадать отъ цѣлага. Въ современномъ же государствѣ даже у враждующихъ между собою областей, національностей и классовъ очень сильно чувство государственнаго единства.

Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что внутреннія отношенія существенной роли во внѣшней борьбѣ уже не играютъ. Напротивъ, благодаря той же связности государственнаго организма, даже мѣстное разстройство въ немъ можетъ очень сильно повліять на общее его самочувствіе. Тѣмъ большее значеніе можетъ имѣть разстройство всего организма, обусловленное тяжелымъ и затяжнымъ внутреннимъ кризисомъ вродѣ того, какой вотъ уже рядъ лѣтъ переживаетъ Россія. Слишкомъ много въ этомъ случаѣ наболѣвшихъ мѣсть,—и слишкомъ велика опасность, что то или иное изъ нихъ будетъ задѣто. Да, и помимо этого, не легко объединить противопоставленныя другъ другу силы около одной общей цѣли.

Мы видѣли манифестацію этого объединенія, — и она сошла удачно. Но предстоятъ еще осуществить его на дѣлѣ,—и эта задача будетъ, несомнѣнно, гораздо труднѣе.

Сдѣлано ли что для ея разрѣшенія?

III.

„Страна—ишутъ „Русскія Вѣдомости“—съ взумительной быстротой поняла и оцѣнила неожиданно надвинувшіяся событія во всемъ ихъ огромномъ значеніи, ориентировалась въ измѣнившемся положеніи и сразу нашла соотвѣтствующій ему, объединяющій лозунгъ. Отложить внутреннія распри, не ставить условій и требованій и мобилизовать всѣ общественныя силы на защиту Россіи,—таковъ этотъ лозунгъ“¹⁾. Сказать, что это—лозунгъ всей страны, можетъ быть, и нельзя; даже навѣрное—нельзя, какъ увидимъ дальше. Но въ печати и въ Государственной Думѣ онъ, дѣйстви-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 15 августа.

тельно, прозвучать совершенно явственно и быть формулированы вполне отчетливо.

„Сливаясь въ порывѣ единой воли со всѣми, кому дорога жизнь нашей родины, мы—писалъ В. Д. Набоковъ—не поступаемъ ни однимъ изъ нашихъ ловушковъ, не забываемъ ни одной изъ нашихъ идейныхъ задачъ, не сходимъ ни съ одной изъ занятыхъ нами, на глазахъ всего русскаго общества, позицій. На своемъ мѣстѣ и въ свое время мы останемся борцами за наши политическіе идеалы, за то лучшее будущее, которому лучшие граждане отдали столько силъ, принесли столько жертвъ. Но мы проникнуты сознаниемъ, глубокимъ и почти инстинктивнымъ, что выше отдѣльныхъ политическихъ идеаловъ, выше субъективныхъ оцѣнокъ режима и лицъ, стоитъ одно: жизнь и величіе родины“¹⁾. „Мы не ставимъ—говорилъ П. Н. Миллюковъ въ Гос. Думѣ—условія и требованій, мы просто кладемъ на вѣсы борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника“. „Отложимъ же внутренніе споры“,—говорилось въ прочитанномъ имъ съ думской трибуны и уже цитированномъ мною воззваніи центрального комитета к.-д. партіи, съ которымъ послѣдній обратился къ своимъ „единомышленникамъ“. Здѣсь, въ Думѣ, не менѣе, быть можетъ, уместно было бы такое же обращеніе и къ противникамъ, но его сдѣлано не было.

Основы объединенія, формулированныя к.-д. партіей, были поддержаны представителями и нѣкоторыхъ другихъ оппозиционныхъ группъ. „Въ эти великіе дни—заявилъ, на примѣръ, г. Гольдманъ отъ лица латышей и эстонцевъ—мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы. У насъ много счетовъ съ прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ съ ними считаться“. Во всякомъ случаѣ никто въ Думѣ никакихъ требованій не заявлялъ, внутренними распрями не грозилъ и даже о возможности ихъ во время войны не заикнулся.

Таковъ былъ лозунгъ думской оппозиціи,—если не всей, то значительной ея части. „Отложимъ внутреннія распри“,—не окончательно ихъ прекратимъ, а только отложимъ; это—не отказъ отъ борьбы, а только ея отсрочка; не миръ это, а перемиріе. Заключая послѣднее, обыкновенно строго оговариваютъ его условія,—по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ, а именно, чтобы и противная сторона воздерживалась отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Но въ данномъ случаѣ ставить какія-либо условія и даже просто указывать на нихъ было признано неумѣстнымъ. Почему? Въ день открытія Думы „Рѣчь“ попыталась это объяснить, но едва-ли кто понялъ.

Есть голоса,—говорила она—которые совѣтовали бы идти далѣе и сказать правительству то, что и безъ того оно должно хорошо вѣдѣть и изъ чего, если захочетъ, могло бы извлечь практическіе выводы... Начало XIX вѣка

1) „Рѣчь“, 22 іюля.

въ Германіи—эра національнаго освобожденія, эпоха Фихте и Кернера, Штейна и Гарденберга,—вотъ тѣ историческія ассоціаціи, которыя просятся на память въ настоящую минуту. Но, очевидно, всѣмъ этимъ воспоминаніямъ будетъ тѣсно въ обстановкѣ сегодняшняго дня. Историческія перспективы разворачиваются не минутами, а годами и десятками лѣтъ. Для сегодняшняго дня достаточно его собственной темы ¹⁾.

Болѣе понятенъ былъ мотивъ, передававшійся въ разговорахъ: „нельзя въ такія минуты торговаться!“ — хотя и тутъ хотѣлось спросить: да развѣ вы для себя добиваетесь? развѣ обезпечить внутренней миръ—не общая сейчасъ потребность?.. Судя по разговорамъ, и того боялись, какъ бы не повредить дѣлу, какъ бы своими указаніями не раздражить другую сторону, которая-де и сама хорошо знаетъ, что нужно. Нѣсколько позднѣе былъ выдвигнутъ и еще одинъ мотивъ. „Общество“ писала „Рѣчь“—дѣлало свое дѣло, спасая свою Россію. Оно потому и не торговалось, не ставило условій и требованій, что то, что оно дѣлало, оно дѣлало для себя“ ²⁾.

Какъ бы то ни было, — что бы ни сыграло рѣшающую роль въ данномъ случаѣ: глубокомысліе или благородство, робость или самонадѣянность,—но никакихъ условій, какъ уже сказано, (сп)ицией не было поставлено и никакихъ указаній не сдѣлано. „Тема дня“ была ограничена деклараціями о готовности отдать всѣ силы и средства на общее дѣло. Тема, въ виду бывшихъ доселѣ „распрей“, несомнѣнно, важная и даже необходимая, но едва-ли—въ виду тѣхъ же распрей, не говоря даже о какихъ-либо историческихъ ассоціаціяхъ и перспективахъ,—достаточная.

Сознаніе, что одностороннее перемиріе не обезпечиваетъ прекращенія распрей, конечно, оставалось. Но, какъ оказывается, была надежда, что другая сторона не только знаетъ, про что молчать, но и захочетъ сдѣлать изъ этого соотвѣтствующіе практическіе выводы. При желаніи не трудно было, конечно, увидѣть и готовность съ ея стороны къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Раньше всѣхъ подмѣтила эту готовность бойкая вечерняя газетка, которая и не замедлила подѣлиться своими свѣдѣніями съ читателями. На другой день послѣ думскаго засѣданія она сообщала:

Члены Г. Думы имѣли вчера ~~сдѣ~~ бесѣду съ представителями правительства.

Патристическое настроеніе, охватившее народное представительство, нашло глубокой откликъ въ совѣтъ министровъ.

Видные члены кабинета заявили, что вчерашній день найдеть въ будущемъ реальныя и неизбежныя послѣдствія.

У одного изъ правыхъ, бесѣдовавшихъ съ министрами, вырвалось замѣчаніе:

— Россія выдержала экзаменъ на свободу ¹⁾.

1) „Рѣчь“, 26 июля.

2) „Рѣчь“, 15 августа.

Дѣло, стало быть, только за дипломомъ. Но и съ нимъ медлить не стануть. На слѣдующій день та же газета сообщила:

Предсѣдатель совѣта министровъ и министр иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ вчера бесѣдовали съ нѣкоторыми видными лидерами Г. Думы, при чемъ высказали, что засѣданіе 26-го июля оставить въ нихъ неизгладимое воспоминаніе на всю жизнь. Какъ передаютъ, предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Геремкикинъ добавилъ, что отношеніе правительства къ Г. Думѣ скажется въ недалекомъ будущемъ въ цѣломъ рядѣ актовъ¹⁾.

Не только „Биржевыя Вѣдомости“, но и такіе солидные органы, какъ „Рѣчь“, передавали подобныя же, „незавѣстно отъ кого исходящія“ слухи о необходимости актовъ, долженствующихъ послужить отвѣтомъ на думскую манифестацію и способныхъ упрочить достигнутое „единеніе“. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Рѣчи“, г. Львовъ, бесѣдовалъ, по его словамъ, на эту тему „съ лицами вліятельными“ и вотъ какія онъ вынесъ впечатлѣнія:

По мнѣнію многихъ,—писалъ онъ,—создавшееся положеніе должно привлечь особое вниманіе, и столь важный и серьезный актъ (единицушное выступленіе всей Думы) неминуемо должно вызвать мѣропріятія, имѣющія цѣлью показать, что это понятно, оцѣнено и встрѣчено съ чувствомъ удовлетворенія.

— Нельзя—замѣтило одно вліятельное лицо—не использовать историческаго момента, который сдѣлать то, чего при иныхъ условіяхъ нельзя было достигнуть,—сглаженія всѣхъ обостреній, которыя были построены не на дѣйствительной непримиримости, а на, быть можетъ, излишнемъ раздраженіи обѣихъ сторонъ²⁾.

Получилось „впечатлѣніе,—какъ потомъ писала та же „Рѣчь“,—какъ будто одни совершили нѣчто, заслуживающее благодарности, а другіе обѣщали отблагодарить“. Едва-ли однако не сами газеты больше всего виноваты въ томъ, что получилось такое впечатлѣніе.

Допустимъ даже, что „Рѣчь“ была права въ своихъ наблюденіяхъ на счетъ того, какъ правительство восприняло думскую манифестацію. „Первымъ движеніемъ представителей кабинета—говоритъ она—было непритворное удивленіе, вторымъ—столь же непритворная и искренняя радость неожиданно избѣгнутаго затрудненія“. Пусть такъ. Ну, а затѣмъ правительству, естественно, взглянуло на патрістическій порывъ Думы, какъ на должное, и благодарить за него даже не собралось. Какъ бы то ни было, никакихъ актовъ, которыхъ ожидали „Биржевыя Вѣдомости“ и „Рѣчь“, не послѣдовало.

Можно даже думать, что „другая сторона“,—если имѣть въ виду не только правительство, но и поддерживающія его общественныя силы,—совершенно иначе понимаетъ самое „единеніе“. Съ ихъ точки зрѣнія, оппозиція, не ставя никакихъ условій и не предъявляя никакихъ требованій, присоединилась къ нимъ,—и все тутъ.

1) „Биржевыя Вѣдомости“, 27 июля.

2) „Биржевыя Вѣдомости“, 28 июля.

3) „Рѣчь“, 29 июля.

Просто и просто всё стали „националистами“, какъ формулировало это „Новое Время“ еще до присоединения П. Н. Милюкова, когда оно изъ всѣхъ силъ еще травило послѣдняго¹⁾. И въ результатъ объединенія долженъ получиться не аккордъ, въ которомъ гармонично слились бы всѣ голоса, — какъ доказываетъ это теперь либеральная пресса, ссылаясь на Англию, Бельгию и Францию, — а уни-сонъ, тонъ для котораго уже данъ и впродъ будетъ даваться ими „Единая мысль“ — это ихъ мысль, „единое чувство“ — это ихъ чувство, „единая воля“ — это ихъ воля. Всѣ другіе, прекративъ распри, теперь не только за страхъ, но и за совѣсть будутъ выполнять эту волю, — и только.

Судя по „Новому Времени“, они не прочь даже пометать, что такъ будетъ всегда, что это — начало прочнаго, чуть ли не вѣчнаго внутренняго мира. Но пусть даже это на время войны только, не миръ это, а перемирие, — и то хорошо! „Сознаніе достигнутого единенія одинаково сладко и для правительства, и для управляемых“, — пишетъ „Новое Время“²⁾.

Если „достигнутое единеніе“ разнѣ понимается сторонами, если, дѣйствительно, въ отношенія между ними вкралось только что указанное мною недоразумѣніе, то виновата въ этомъ, несомнѣнно, оппозиція, у которой въ тяжелую и отвѣтственную минуту народной жизни не нашлось достаточно разума или мужества, чтобы быть до конца откровенной и искренней.

IV.

Не трудно предугадать, какъ при указанныхъ условіяхъ должны будутъ сложиться всѣ отношенія. Впрочемъ, тутъ и угадывать нечего, — эти отношенія достаточно уже опредѣлились.

Правительство твердо и неуклонно продолжаетъ идти по тому пути, по которому оно шло раньше. Разница, если и есть, то только та, что оно чувствуетъ себя еще болѣе увѣренно. И это, конечно, понятно: всѣ силы страны въ этотъ грозный часъ безусловно отдали себя въ его распоряженіе, а распорядиться ими оно, конечно, сумѣетъ.

Это не значить, что оно совершенно глухо къ общественному мнѣнію. Напротивъ, къ тѣмъ голосамъ, къ которымъ оно и раньше всегда прислушивалось, теперь оно очень чувствительно. Нерѣдко это приходится наблюдать съ полною наглядностью. Достаточно, напримѣръ, націоналистической прессѣ указать на что-нибудь, и немедленно же принимаются соответствующія мѣры. Приведу небольшую, но характерный примѣръ.

Въ „Новомъ Времени“ появилась какъ-то замѣтка: „По примѣру Нѣмцевъ“. Авторъ обращалъ въ ней вниманіе на летучія

¹⁾ См. „Новое Время“, 16 поля: „Не Павелъ, а Левъ Милюковъ“.

²⁾ „Новое Время“, 16 поля.

газетки, возникшія со спекулятивною цѣлью и нагло эксплуатирующія публику. Подъ видомъ „собственных“, „последнихъ“ телеграммъ онѣ перепечатываютъ извѣстія другихъ газетъ, разбавляя ихъ собственными, перѣдко совершенно безграмотными, измышлениями,—„высоко-патріотическаго“, конечно, характера. Беззастѣнчиво надувая публику, эти газетки наносятъ уронъ и „солиднымъ органамъ“ печати,—даже самымъ патріотическимъ, какъ „Вечернее Время“ г. Суворина,—составляя довольно чувствительную для нихъ конкуренцію. „Новое Время“, приведя нѣсколько „перловъ невѣжества и вымысла“ изъ одной такой газетки, закончило свою замѣтку такими словами:

Квалифицировать подобную издательскую дѣятельность по закону о печати нѣтъ никакой возможности. Но совершенно нельзя допустить, чтобы распространеніе завѣдомаго вздора съ корыстной цѣлью могло оставаться безнаказаннымъ. Тѣмъ болѣе, что печать своими средствами не можетъ бороться съ этимъ безобразіемъ.

Этого было достаточно, и, хотя протипцированная „Новымъ Времениемъ“ газетка не была имъ даже названа, черезъ три дня мы уже читали:

С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, на основаніи пункта 14 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, приостановлено на все время дѣйствія въ С.-Петербургѣ военнаго положенія изданіе газеты „Последнія Телеграммы“ за неоднократное сообщеніе вымышленныхъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, составлявшихся, какъ это установлено протоколомъ отъ 14 августа, самой редакціей, въ цѣляхъ эксплуатаціи публики.

„Новое Время“ помѣстило свою замѣтку 14 августа,—и, стало быть, въ тотъ же день спекулятивная газетка была найдена, протоколъ составленъ. Аналогичный случай, какъ не трудно было догадаться, произошелъ съ „Рѣчью“, — при той только разницѣ, что въ основѣ доноса „Новаго Времени“ на П. Н. Милюкова, какъ оказалось, лежала клевета, которая и была немедленно опровергнута.

Множество подобныхъ же случаевъ можно было бы привести изъ сферы отношеній къ нѣмцамъ. Достаточно вѣдь было „Новому Времени“ выступить съ требованіемъ, чтобы деньги всѣхъ нѣмцевъ, находящіяся въ русскихъ банкахъ, были конфискованы или, по крайней мѣрѣ, секвестрованы,—и немедленно же по этому вопросу начались совѣщанія. И если до сихъ поръ требованіе „Новаго Времени“ остается невыполненнымъ, то не только потому, что это было бы противозаконно, но и потому, что такая мѣра могла бы очень тяжело отразиться на русской промышленности. Столь же внимательно власти отнеслись къ указаніямъ суворинскихъ газетъ на желательность арестовать германскихъ и австрийскихъ подданныхъ въ Петербургѣ и затѣмъ не выпускать ихъ изъ-подъ ареста вплоть до высылки въ отдаленныя мѣстности.

Относясь очень внимательно къ мнѣшьямъ и указаніямъ близкихъ къ нему круговъ и даже органовъ печати, правительство едва-ли однако чувствуетъ потребность въ планомѣрномъ и организованнымъ сотрудничествѣ даже съ поддерживающими его общественными силами. Крайне показательно въ этомъ случаѣ уже отношеніе къ Гос. Думѣ. Последняя была созвана только на одинъ день и, очевидно, для того только, чтобы дать исходъ и наглядное выраженіе патріотическому порыву, какой охватила страну. Если бы правительство нуждалось въ законодательной помощи со стороны народнаго представительства, то оно, конечно, продлило бы думскую сессию и, быть можетъ, даже сдѣлало бы ее непрерывною. Вѣдь теперь приходится издавать одинъ законъ за другимъ... Но они издаются въ порядкѣ 87-й статьи, изъ чего ясно, что участіе народнаго представительства въ законодательной работѣ правительство считаетъ сейчасъ, по меньшей мѣрѣ, лишнимъ.

Вспоминая однодневную сессию Гос. Думы и проявленное ею тогда отношеніе къ законодательству, приходится—увы!—считать такой взглядъ не совсѣмъ безосновательнымъ даже съ нашей точки зрѣнія. Въ законодательныя палаты были внесены тогда въ высшей степени важные законопроекты, и вотъ Дума признала возможнымъ рассмотреть и одобрить ихъ въ одинъ день, даже въ нѣсколько минутъ, т. е. одобрить, не обсуждая. Другими словами: свои законодательныя права она сочла возможнымъ использовать для манифестаціи. Словъ нѣтъ, она оказала такимъ путемъ моральную поддержку правительству, но вѣдь въ достаточной мѣрѣ эта поддержка была уже оказана ею въ кликахъ, деклараціяхъ и резолюціи. Не правильнѣе было бы, перейдя къ законопроектамъ, выполнить ту миссію, для которой Дума и создана, а именно оказать помощь странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительству, дѣйствительнымъ участіемъ въ законодательствѣ? Но она такой помощи не оказала, даже о ней не подумала. А могла бы оказать...

Теперь это ясно вѣдь, какъ дешь... Въ законодательныя учрежденія былъ внесенъ, между прочимъ, законопроектъ о повышеніи цѣны на водку съ 8 р. 40 к. до 12 р. 80 к. за ведро. Правительство разсчитывало такимъ путемъ до известной степени покрыть чрезвычайные расходы, вызванные войной. И вотъ Дума одобрила этотъ законопроектъ, даже не остановившись на немъ, даже не задавшись вопросомъ, цѣлесообразно ли этимъ путемъ—„пьянымъ“ путемъ, какъ принято теперь выражаться,—добывать необходимые государству ресурсы. А этотъ вопросъ, казалось бы, сразу же долженъ былъ встать передъ Думой и задѣть ее за живое,—вѣдь не зря же, въ самомъ дѣлѣ, она такъ много разсуждала всѣ послѣдніе годы о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. И если бы она, хотя немного, задержалась на этомъ законопроектѣ, то, несомнѣнно, черезъ нее прорвалось бы движеніе, которое уже началось въ странѣ. Когда правительство составляло свой законопроектъ, оно

могло не предвидѣть этого движенія, а Дума одобрила вѣдь его тогда, когда грандіозный опытъ радикальной борьбы съ пьянствомъ былъ осуществленъ уже на дѣлѣ и когда благотворные его результаты уже почувствовались всѣми. Государственной Думѣ представился, можно сказать, исключительный по своей важности и по счастливому стеченію обстоятельствъ случай оказать незамѣнимую помощь правительству и явиться вмѣстѣ съ тѣмъ первой выразительницей общенародныхъ нуждъ и желаній. А вмѣсто этого что получилось? Не успѣли члены Думы разѣхаться по домамъ, какъ одобренный ими законопроектъ, хотя и успѣвшій сдѣлаться закономъ, былъ уже отгѣненъ жизнью. Оказалось, что не только новыхъ ресурсовъ при помощи водки получить нельзя, но и отъ тѣхъ, которые получались этимъ путемъ раньше, приходится отказываться. Вся роль Думы свелась въ этомъ случаѣ къ классическому по своей бесплодности будто бы законодательному вѣтуму.

Сейчасъ нѣкоторые депутаты во главѣ съ предсѣдателемъ Думы, г. Родзянко, усиленно хлопочутъ, чтобы новые законопроекты о налогахъ, — а ихъ предстоитъ длинный рядъ, — не проводились по 87-й статьѣ, а были переданы на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій, для чего обѣ палаты и должны быть созваны ранѣе назначеннаго срока. Казалось бы, этимъ домогательствамъ можно только сочувствовать. И однако намъ приходится уже задаваться вопросомъ: если Гос. Дума отнесется къ новымъ законопроектамъ такъ же, какъ она отнеслась къ внесеннымъ въ нее 26 іюля, т. е. просто-на-просто — если употребить обычное въ такихъ случаяхъ выраженіе — поставитъ на нихъ свой штемпель, то стоитъ ли этимъ заниматься въ военное время? Да и по существу: не лучше ли будетъ, если она разсмотритъ эти законопроекты потомъ, когда успокоится, чѣмъ если одобритъ ихъ теперь, подъ вліяніемъ „патріотическаго порыва“ и такимъ образомъ уже лишитъ себя возможности отнестись къ нимъ болѣе вдумчиво и серьезно?

Говорятъ, что даже формальное только участіе Гос. Думы въ законодательной работѣ укрѣпляетъ народное представительство въ Россіи. Не наоборотъ ли? Не распатаетъ ли его такое участіе окончательно? Если въ такую пору, какую переживаетъ страна теперь, Гос. Дума можетъ и способна только „штемпелевать законы“, то кому, говоря по совѣсти, нужно такое представительство?

Оставляя однако Думу, — я вѣдь остановился на ней мимоходомъ, желая лишь показать, что сотрудничество „общества“, даже въ лицѣ этого, наиболѣе виднаго его органа, представляется сейчасъ правительству излишнимъ. Не менѣе показательно отношеніе послѣдняго къ земскому и городскому союзамъ.

Ставить препятствія возникновенію этихъ общественныхъ организацій правительство не захотѣло или сочло неудобнымъ, но за то оно успѣло ограничить (такъ и сказано было въ сообщеніи

Освѣдомительнаго бюро: „ограничить“) ихъ дѣятельность „оказаніемъ помощи въ продолженіе настоящей войны больнымъ и раненымъ воинамъ“. Откуда взялось это ограниченіе—догадаться не трудно. Въ печати, а также въ средѣ самихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, какъ разъ послышались насгойчивые голоса, указывавшіе на необходимость расширить дѣятельность того и другого союза,—распространить ее на помощь семьямъ запасныхъ, на поставку продуктовъ въ дѣйствующую армію, на урегулированіе обмѣна между городомъ и деревней, на борьбу съ безработицей и другія нужды, которыя обусловлены или обострены той же войной. Нѣкоторые уже мечтали, что эти два союза, опираясь на кооперативы и другія общественныя учрежденія, быстро превратятся въ могущественныя организаціи, въ которыхъ найдутъ себѣ дѣло значительныя общественныя силы.

Но это-то, повидямому, правительство и нашло излишнимъ. Даже участіе въ поставкѣ продуктовъ на армію оно не сочло возможнымъ предоставить союзамъ земствъ и городовъ. Это огромное дѣло оно всецѣло оставило за собой и, очевидно, увѣрено, что въ лицѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія вполне усильно справится съ нимъ своими собственными силами.

Трудно сказать, почему сколько-нибудь широкая и энергичная работа даже такихъ учрежденій, какъ Государственная Дума, съ одной стороны, городской и земскій союзъ—съ другой, признается въ настоящее время, когда нужно напречь всѣ силы, излишней или нежелательной. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ даетъ себя знать издавна свойственное бюрократіи недовѣріе къ общественнымъ силамъ; можетъ быть, тутъ сказывается столь же издавна свойственная ей самоувѣренность, что она „все можетъ“, что она все сама лучше всѣхъ сдѣлаетъ; можетъ быть, тутъ играютъ роль какія-либо другія соображенія болѣе поздняго происхожденія... Какъ бы то ни было, фактъ таковъ: даже близкія правительству общественныя группы, которыя пользуются преимущественнымъ правомъ представительства въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, которыя официально признаются достаточно подготовленными для государственной и общественной дѣятельности, изъ среды которыхъ до сихъ поръ главнымъ образомъ и выходили „націоналисты“ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ,—даже эти группы лишены возможности въ тяжкую годину народнои жизни вполне развернуть свои силы.

Еще меньше, конечно, имѣется мѣста на томъ пути, которымъ твердо и неуклонно идетъ правительство, для болѣе демократическихъ слоевъ населенія и, въ частности, для тѣхъ общественныхъ силъ, которыя только теперь, на время войны, „присоединились“ къ нему.

V.

Въ „историческомъ засѣданіи“ Государственной Думы съ декларацией отъ имени литовцевъ выступалъ г. Ичасъ. Какъ и другіе представители думской оппозиціи, онъ заявилъ, что литовцы, „забывъ всѣ свои обиды“, отдадутъ всѣ свои силы общему дѣлу. Затѣмъ Дума была распущена и г. Ичасъ, наряду со всѣми другими депутатами, въ качествѣ законодателя оказался ненужнымъ. Но не сидѣть же въ эту пору, сложа руки?—тѣмъ болѣе, что самъ же онъ только что обѣщаль отдать всѣ силы...

Г. Ичасъ „обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ м. Бирисахъ, Ковенской губ., газету на литовскомъ языкѣ подъ названіемъ „Голосъ Родины“. Ходатайство это было отклонено. М. М. Ичасъ имѣлъ послѣ этого личное свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который, оставшись при своемъ первоначальномъ рѣшеніи, обѣщаль депутату пересмотрѣть его ходатайство по окончаніи войны“¹⁾.

Прочитавъ это сообщеніе, можно, пожалуй, подумать, что правительство вообще считаетъ газеты во время войны ненужными. Но такое предположеніе, несомнѣнно, было бы ошибочнымъ. Напротивъ, мы имѣемъ цѣлый уже рядъ официальныхъ и офиціозныхъ заявленій, что широкое оповѣщеніе населенія и арміи о происходящемъ правительство считаетъ сейчасъ очень важнымъ и даже необходимымъ. Съ своей стороны оно широко развило дѣятельность официальныхъ и офиціозныхъ газетъ и основало рядъ новыхъ, — въ частности, для арміи. Какъ оказывается, правительство учредило даже особый „комитетъ народныхъ изданій“ и по части брошюрной литературы опередило даже частную инициативу. Комитетомъ уже выпущены и разосланы на мѣста для бесплатной раздачи двѣ патристическихкія народныя листовки („Великая война“ и „Звѣрства нѣмцевъ“) и готовится цѣлый рядъ новыхъ. Принимаются и другія мѣры...²⁾

Повидимому, и въ этомъ случаѣ бюрократія рассчитываетъ сама все сдѣлать. Будетъ ли она издавать газеты на литовскомъ языкѣ, — не извѣстно. Но газета г. Ичаса во всякомъ случаѣ на время войны признана ненужной. Что же ему дѣлать? Какъ послужить общему дѣлу?

Отвѣтъ, конечно, имѣется: никому не возбраняется умереть за отечество... Нѣкоторые депутаты послѣ роспуска Думы такъ и поступили, — отправились въ дѣйствующую армію. Можно и должно преклоняться передъ ихъ самоотверженіемъ, но все-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не всѣ для этого годятся. Да и пра-

1) „Рѣчь“, 24 августа.

2) „Рѣчь“, 21 августа.

вительству, повидимому, не такъ ужь пужны для арміи люди, не обученные военному дѣлу. Вѣдь вотъ изъ ополченцевъ оно призвало лишь небольшую часть,—лишь самыхъ молодыхъ, лишь наиболѣе обученныхъ... Неужели нѣтъ сейчасъ другихъ дѣлъ, нужныхъ отечеству?

Есть! Кто не можетъ убивать, тотъ можетъ перевязывать раны,—и въ буквальномъ смыслѣ, и въ переносномъ... Дѣла любви и милосердія всѣмъ доступны. Впрочемъ, о буквальной перевязкѣ ранъ этого нельзя сказать: даже не для всѣхъ молодыхъ, даже не для всѣхъ обученныхъ доступъ къ этому дѣлу открытъ. Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ:

Прочтя въ газетахъ извѣстіе, что въ число сестеръ милосердія принимаются и еврейки, я—пишетъ г-жа М. Сапиро—7-го августа отправилась въ Елисаветинскую общину сестеръ милосердія. Меня записали и просили явиться послѣ 10-го августа для медицинскаго освидѣтельствованія. 11 августа я снова зашла въ общину. На мою просьбу подвергнуть меня медицинскому осмотру завѣдывающая отвѣтила: „У насъ достаточно христіанокъ, еврейскъ мы не принимаемъ“¹⁾.

На томъ же основаніи было отказано въ приемѣ и студентамъ-медикамъ изъ евреевъ. По особому ходатайству витебскаго губернатора главное управленіе Краснаго Креста разрѣшило витебской общинѣ принимать въ сестры милосердія еврейскъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ нормальнаго устава, но не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ утвержденія главнаго управленія²⁾. Изъ этого ясно, что имѣется какое-то общее правило и лица еврейскаго происхожденія принимаются Краснымъ Крестомъ лишь въ видѣ исключенія, когда христіанъ недостаточно. Такой случай, повидимому, и имѣлъ мѣсто въ Витебскѣ, гдѣ громадную часть населенія составляютъ евреи. Но въ большинствѣ другихъ мѣстъ пока и христіанъ, желающихъ ухаживать за ранеными, болѣе, чѣмъ достаточно,—и не только евреи оказываются здѣсь лишними.

Несравненно болѣе широкимъ и болѣе свободнымъ представляется другое поприще помощи воинамъ,—помощь ихъ семьямъ. При нынѣшнихъ размѣрахъ мобилизаціи число семей, лишившихся своихъ кормильцевъ, достигаетъ, вѣроятно, нѣсколькихъ милліоновъ. У громаднаго большинства ихъ нѣтъ, конечно, никакихъ сбереженій, а если и есть, то очень незначительныхъ. Нужда сразу же дала себя знать,—и чѣмъ дальше, тѣмъ она будетъ становиться обширнѣе и острѣе. Чтобы устранить или хотя бы только смягчить ее, нужно много заботъ и усилій. Сознывая громадность стоящей задачи, правительство готово, повидимому, допустить къ выполненію ея всѣхъ желающихъ. По крайней мѣрѣ, пока не слышно о препятствіяхъ. И интеллигенція сразу же кинулась къ этому дѣлу.

¹⁾ „Рѣчь“, 13 августа.

²⁾ „Новое Время“, 14 августа.

Если посмотрѣть со стороны на тѣхъ, кто имъ сейчасъ занять, то можно, пожалуй, придти къ выводу, что общественныя силы расходуются не совсѣмъ производительно. Для многихъ изъ тѣхъ, кто лазаетъ сейчасъ по чердакамъ и подваламъ, переписывая семьи запасныхъ, или ходитъ по улицамъ съ кружками, собирая пожертвованія, при той государственной организаціи, вѣроятно, нашлось бы другое дѣло, въ которомъ ихъ знанія и таланты лучше были бы использованы. Но не будемъ сожалѣть, что общественныя силы расходуются, быть можетъ, не совсѣмъ экономно. Хорошо ужь то, что данное дѣло будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ.

Но можетъ ли при настоящихъ условіяхъ оно быть хорошо выполнено? Трудно пока судить, насколько удовлетворительно дѣло помощи семьямъ запасныхъ поставлено въ провинціи и, въ частности, въ деревнѣ. Вниманіе газетъ почти всецѣло поглощено военными дѣйствіями и извѣстія, даваемые ими по данному вопросу, до-нельзя скудны. Свѣдѣнія же, какія можно частнымъ путемъ получить отъ приѣзжающихъ, слишкомъ ужь случайны и отрывочны. Посмотримъ, какъ поставлено это дѣло въ Петроградѣ.

По закону 25 іюня 1912 г., проведенному при содѣйствіи третьей Гос. Думы, дѣло обезпеченія семей запасныхъ почти всецѣло оставлено за администраціей. И теперь самой Гос. Думѣ въ „историческомъ“ ея засѣданіи пришлось выступить съ пожеланіемъ, чтобы этотъ законъ не очень строго выполнялся, чтобы къ попеченію о семьяхъ запасныхъ были привлечены также земскія и городскія учрежденія и общественныя силы. Для Петрограда, къ счастью, въ законѣ было сдѣлано исключеніе и здѣсь предусмотрено участіе въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ органовъ городского общественаго управленія.

Незамѣнимую помощь послѣднему могли бы оказать въ данномъ случаѣ профессиональныя рабочіе союзы. Но эти союзы, какъ извѣстно, у насъ систематически подвергались полицейскому разгрому и все усилія рабочихъ создать и упрочить ихъ оказались тщетными. Какъ разъ передъ войной были разгромлены чуть ли не послѣдніе остатки профессиональной организаціи рабочихъ. Вместо профессиональныхъ союзовъ и другихъ общественныхъ организаціи, основанныхъ на самопомощи и самодѣятельности, законъ призываетъ къ дѣлу попеченія о семьяхъ запасныхъ городскія попечительства о бѣдныхъ. А что это за учрежденія, — достаточно сказать, что „положеніе“ о нихъ было выработано при Плеве, а руководящій составъ ихъ опредѣлила городская дума, имѣвшая до самаго послѣдняго времени ярко-черносотенный характеръ. Въ результатѣ, городскія попечительства о бѣдныхъ въ громадномъ большинствѣ своемъ представляли изъ себя до сихъ поръ совершенно мертвыя учрежденія, вся дѣятельность которыхъ ограничивалась мелкими подачками изъ небольшихъ суммъ, отпущавшихся городомъ на благотворительность.

Теперь на эти попечительства, о которых мало даже кто зналъ въ Петроградѣ, оказалось возложеннымъ громадное дѣло государственной важности. Общественнымъ силамъ, желавшимъ принять въ немъ участіе, предстояло еще расшевелить эти мертвыя учрежденія, превратить ихъ въ живыя общественныя организаціи. Но не легко это было сдѣлать, не легко было преодолѣть равнодушіе и формализмъ, въ нихъ царившіе. Какъ видно изъ доклада А. И. Шнигарева, лишь три попечительства изъ двадцати успѣли уже развить довольно широкую и разностороннюю дѣятельность, шесть — приспособляются еще къ новымъ условіямъ, а въ одиннадцати — „все осталось по старому“¹⁾. Очевидно, такъ и не удалось пока преодолѣть инерцію этихъ учрежденій, имѣющихъ во главѣ назначенныхъ, а не избираемыхъ ими самими предсѣдателей.

Но что могутъ сдѣлать даже ожившія попечительства, — „попечительства о бѣдныхъ“, дѣятельность которыхъ ограничена узкими рамками благотворительности? Служа посредниками по раздачѣ казенныхъ и городскихъ пособій, размѣры которыхъ не отъ нихъ зависятъ, они сами по себѣ могутъ только собирать пожертвованія и раздавать милостыню. Пусть даже они будутъ очень изобрѣтательны по части „изысканія средствъ“; пусть они сумѣютъ индивидуализировать и отлить въ самыя разнообразныя формы свою помощь, — однако, и за всеѣмъ тѣмъ сразу же ясно, что при тѣхъ размѣрахъ и томъ характерѣ нужды, съ какой имъ приходится въ настоящій разъ имѣть дѣло, все это будетъ не больше, какъ ничтожныя палліативы. Эту нужду нельзя устранить и даже сколько-нибудь замѣтно смягчить усиліями частной благотворительности; въ данномъ случаѣ нужны мѣры публичнаго, во многихъ отношеніяхъ даже законодательнаго характера.

Укажу хотя бы на квартирную нужду, которая вовсе не предусмотрена закономъ 1912 г. объ обезпеченіи семей запасныхъ и которая очень остра сейчасъ въ Петроградѣ. Развѣ могутъ эту нужду смягчить немногія квартирныя и комнатныя, предоставленныя сердобольными людьми попечительствамъ? Укажу далѣе на быстрое вздорожаніе жизни, которое можетъ, да и грозитъ уже, еще больше обострить нужду и свести на нѣтъ все усилія попечительствъ ее ослабить. Не трудно предвидѣть цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, для удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ нужны будутъ общія мѣры, обязательныя постановленія, законодательныя мѣропріятія. А такія мѣры будутъ предпринимать только градоначальникъ, военныя власти, правительство, — если, конечно, признаютъ ихъ нужными. И, въ дѣйствительности, именно ихъ мысль, ихъ чувство, ихъ волю должны будутъ проводить и осуществлять тѣ новыя общественныя силы, которыя примкнули теперь къ попечительствамъ.

¹⁾ «Рѣчь», 21 августа.

Поэтому-то и трудно достигнуть истиннаго „единенія“ Россіи что ея государственная и общественная организація совершенно не приспособлена для выраженія и реализаціи *общей* мысли, *общаго* чувства, *общей* воли. И прежде чѣмъ говорить, что единеніе достигнуто, нужно, конечно, соотвѣтствующимъ образомъ измѣнить эту организацію.

Нѣкоторые считаютъ, повидимому, несвоевременнымъ возбужденіе въ настоящій моментъ такого рода вопросовъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ ихъ объемѣ. „Теперь—писала „Рѣчь“ въ цитированной уже мною статьѣ о „темѣ дня“—дѣло не въ томъ, чтобы какимъ-то чудомъ замѣнить наши наличные ресурсы другими. Дѣло въ томъ, чтобы изъ наличныхъ ресурсовъ извлечь наибольшее количество нужной намъ силы“¹⁾. „Утвержденіе полнаго гражданскаго равноправія—полагаютъ и „Русскія Вѣдомости“—можетъ состояться лишь съ возобновленіемъ органической законодательной работы“²⁾. а „въ условіяхъ даннаго момента едва-ли возможно ожидать и даже желать немедленнаго проведенія реформъ законодательнаго характера“³⁾. Поэтому эта послѣдняя газета считаетъ возможнымъ настаивать на проведеніи лишь нѣкоторыхъ административныхъ мѣръ, на измѣненіи пока хотя бы только правительственнаго „курса“.

Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ ясны соображенія, которыми руководятся въ данномъ случаѣ названныя газеты. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ не только ожидать, но и желать немедленнаго проведенія органическихъ реформъ законодательнаго характера? Неужели потому, что время сейчасъ слишкомъ ужъ тревожное? Но вѣдь это лозунгъ бюрократіи: „сначала—успокоеніе, а потомъ—реформы“. Обществу же пора бы убѣдиться, что если оно и можетъ рассчитывать на сколько-нибудь существенныя реформы, то именно въ тревожные моменты народной жизни. За примѣрами нѣтъ даже надобности обращаться къ бурному 1905 г., они и сейчасъ имѣются передъ глазами, Скоро-ли бы мы дождались, напримѣръ, радикальной перестройки нашего государственнаго бюджета, опиравшася издавна на водку, еслибы война не вынудила взяться за это дѣло немедленно? И если мы дождемся, наконецъ, введенія подоходнаго налога, то развѣ только подъ давленіемъ условій даннаго момента.

Можетъ быть, „Русскія Вѣдомости“ имѣли въ виду, что нормальная законодательная дѣятельность сейчасъ приостановлена, что Государственная Дума и Совѣтъ распущены. Но вѣдь ихъ и созвать недолго. А въ крайнемъ случаѣ, признаюсь, я лично не имѣлъ бы ничего противъ, еслибы обошлись даже безъ ихъ участія, безъ ихъ „штемпеля“. Вѣдь военно-полевые суды были вве-

1) „Рѣчь“, 26-го іюля.

2) „Русскія Вѣдомости“, 12-го августа.

3) „Русскія Вѣдомости“, 15-го августа.

дены по 87 ст. и мы воспренятствовать этому были не въ состояніи; почему же мы должны противиться, еслибы тѣмъ же порядкомъ было введено всеобщее избирательное право? Если декретомъ можно было разрушить земельную общину, то почему же декретомъ нельзя было бы создать мелкую земскую единицу, которая сейчасъ такъ нужна, хотя бы для удовлетворенія нуждъ и потребностей, обусловленныхъ войной?

Я понимаю, конечно, что съ точки зрѣнія „конституціоналистовъ“ говорю ересь. Но мнѣ кажется, что быть въ Россіи „конституціоналистомъ“ похоже на то, что быть большимъ роялистомъ, чѣмъ самъ король. Не имѣя конституціи, можно ли настаивать, чтобы она была введена не иначе, какъ конституціоннымъ путемъ?

Впрочемъ, „Русскія Вѣдомости“ въ отмѣченныхъ мною случаяхъ, быть можетъ, болѣе узко понимаютъ условія текущаго момента. Сами же они, убѣждая общество не поддаваться пессимизму, пишутъ: „Необходимо помнить, что въ историческіе моменты, подобные переживаемому нами, судьбы народа менѣе чѣмъ когда-либо зависятъ отъ случайныхъ политическихъ конъюнктуръ. Эти судьбы опредѣляются факторами крупнаго масштаба и въ числѣ этихъ факторовъ на первомъ планѣ стоитъ внутреннее состояніе народа“¹⁾. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ только забывать, что въ этомъ внутреннемъ состояніи народа—и въ „подъемѣ духа“, и въ „повышеніи общественнаго самосознанія“, и въ „напряженіи общественныхъ силъ“—играетъ свою роль и печать.

И мнѣ кажется, что ея долгъ—патріотическій долгъ—въ настоящее время указывать и доказывать необходимость быстрыхъ и достаточно радикальныхъ органическихъ преобразованій, такъ какъ при нынѣшней государственной и общественной организациі русскій народъ лишень возможности полностью развернуть свои силы и выступить, какъ цѣлостный организмъ, объединенный одной общей мыслью, однимъ общимъ чувствомъ, одной общей волей. Пусть даже не всѣ еще сейчасъ силы нужны, но вѣдь онѣ, быть можетъ, понадобятся потомъ. Главное же, нельзя упускать изъ виду, что отъ этого же зависитъ и общее самочувствіе страны. Не трудно себѣ представить, какой подъемъ въ ней начался бы, какъ разросся бы и окрѣпъ патріотическій порывъ въ массахъ, еслибы борьба съ внѣшнимъ врагомъ велась при загорѣвшей уже зарѣ внутреннихъ преобразованій. Теперь же, когда объ этихъ преобразованіяхъ нѣтъ и помину, приходится уже опасаться, какъ бы этотъ порывъ не началъ падать и слабѣть.

Правительство, стоящее довольно далеко отъ нѣкоторыхъ круговъ, быть можетъ, этого даже не замѣчаетъ, но мы-то видимъ вѣдь эту опасность воочию. Многие изъ тѣхъ, которые рвались по-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 15-го августа.

служить родинѣ, при данныхъ условіяхъ вовсе не находятъ себѣ дѣла, а если находятъ, то только такое, которое похоже на переливаніе изъ пустого въ порожнее, которое явно не соответствуетъ громаднымъ задачамъ, какія стоятъ передъ страной. Естественно, что въ нихъ уже начинаетъ говорить чувство неудовлетворенности, недовольства и даже раздраженія... Еще больше приходится опасаться за настроеніе въ народной массѣ, которая такъ твердо выполняетъ свой долгъ передъ отечествомъ, которая такъ безропотно несетъ выпавшее на ея долю бремя и передъ которой не блеснуло еще ни одинъ лучъ надежды на лучшее будущее...

А тутъ еще всякія терніи русской дѣйствительности, которыя то и дѣло задѣваютъ наболѣвшія мѣста въ народномъ организмѣ...

VI.

Правительство — сказала я — твердо и увѣренно идетъ по тому пути, по которому шло раньше, и это вполнѣ естественно и понятно. Но можно было все-таки ожидать, что оно сдѣлаетъ хотя два-три шага на встрѣчу „присоединившимся“ — конечно, не въ качествѣ благодарности за прекращеніе распрей, а для поддержанія „патриотическаго порыва“, какой охватилъ страну, для скрѣпленія „единенія“, которое было такъ легко достигнуто. Къ тому же и обстоятельства перѣдко складываются такъ, что этого рода шаги представляются прямо необходимыми.

И порою кажется, что правительство готово ихъ сдѣлать, готово смягчить нѣкоторыя изъ очень обостренныхъ отношеній и ослабить нѣкоторыя изъ очень натянутыхъ струнъ. Не буду останавливаться на крупныхъ фактахъ этого порядка, — ни на воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, которое усердно комментировалось газетами въ только что указанномъ смыслѣ, ни на проявленной уже правительствомъ готовности радикально измѣнить государственный бюджетъ, сдѣлать его изъ „пьянаго“ „трезвымъ“, къ чему намъ, несомнѣнно, придется еще вернуться. Отмѣчу болѣе мелкіе факты, — и ихъ вѣдь тщательно собираютъ газеты, и ихъ страстно ловятъ напряженное общественное вниманіе.

Еще до войны, какъ только осложнились внѣшнія отношенія, правительство приостановило дѣйствіе ограничительныхъ правилъ для акционерныхъ компаній. Эти правила, изданныя въ настоящемъ году, были направлены противъ евреевъ, но вызвали недовольство во всей торгово-промышленной средѣ, и дѣятели послѣдней настойчиво добивались ихъ отмены. Любопытно отмѣтить, что принятая правительствомъ мѣра немедленно породила въ печати надежды, что это — начало перемѣны всего „курса“. „Будемъ надѣяться — писалъ, на примѣръ, „Петербургскій Курьеръ“, — что эта мѣра, устраняющая одно изъ обидныхъ стѣсненій на почвѣ національнаго едоустрія, не останется единственной. При такихъ условіяхъ,

налетѣвщій шквалъ, быть можетъ, неожиданно окажется для Россіи тѣмъ потокомъ свѣжаго воздуха, который очищаетъ затхлую атмосферу и, вызвавъ національный подъемъ, приведетъ къ оживленію нашей внутренней жизни, къ развитію и торжеству прогрессивныхъ началъ¹⁾. Другіе органы печати, какъ, напримѣръ, „Рѣчь“, не склонны были преувеличивать симптоматическое значеніе принятой правительствомъ мѣры, хотя и они ставили ее въ связь съ начавшимися вѣшними затрудненіями.

Вскорѣ понадобились и другія „послабленія“. Такъ, немедленно же по объявленіи мобилизаціи возникъ вопросъ, какъ быть съ еврейскими семьями, которыя по тому или иному цензу призванныхъ изъ ихъ среды членовъ жили внѣ черты еврейской осѣдлости. И этотъ вопросъ легко рѣшился по ранѣе бывшему уже примѣру: какъ и во время японской войны, этимъ семьямъ было разрѣшено остаться въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства „впредь до окончанія военныхъ дѣйствій и особыхъ указаній министерства внутреннихъ дѣлъ“.

Была дана и еще одна льгота евреямъ. Изъ-за границы, послѣ всякихъ мытарствъ, начали возвращаться черезъ Финляндію русскіе подданные, и среди нихъ оказалось очень много евреевъ. Въ большинствѣ они не имѣли права даже на сутки остаться въ Петербургѣ. Между тѣмъ часть мѣстности, входящей въ черту еврейской осѣдлости, была уже занята нѣмцами и нѣкоторымъ приходилось возвращаться, напримѣръ, въ Калининъ, гдѣ свирѣпствовалъ въ это время знаменитый отыишъ Прейскеръ. Къ тому же, какъ и всѣ возвратившіеся изъ-за границы, евреи были физически и нравственно измучены, у многихъ не было ни денегъ, ни вещей и выѣхать изъ столицы имъ было не съ чѣмъ. Совѣтъ министровъ, считаясь со всѣмъ этимъ, разрѣшилъ евреямъ, возвращающимся изъ-за границы, двухмѣсячное пребываніе въ С.-Петербургѣ.

Любопытно отмѣтить, что даже „Новое Время“ противъ двухъ послѣднихъ льготъ ничего не имѣло, а одну изъ нихъ даже прямо одобрило. „Семейства евреевъ, призванныхъ въ ряды арміи,— писало оно—конечно, заслуживаютъ вниманія и покровительства“²⁾. Суворинскія газеты хлопотали и о нѣкоторыхъ другихъ послабленіяхъ, которыя едва ли онѣ стали бы поддерживать въ обычное время. Такъ, 21 іюля „Вечернее Время“ сообщило, что „группа арестованныхъ запасныхъ изъ числа рабочихъ, задержанныхъ во время послѣднихъ событій, обратилась съ просьбою призвать ихъ на военную службу теперь, а наложенное на нихъ наказаніе они отбудутъ по окончаніи войны. Въ своемъ заявленіи рабочіе указываютъ, что имъ больно сидѣть въ камерахъ, когда ихъ товарищи пойдутъ сражаться за родину“. И эта замѣтка появилась въ га-

¹⁾ „Петербургскій Курьеръ“, 17 іюля.

²⁾ „Новое Время“, 23 іюля.

зетѣ подъ заголовкомъ: „Справедливая просьба“. Эта боль рабочихъ, противъ которыхъ сибирскія газеты только что метали громъ и молніи, „Вечернему Времени“ была близка и понятна... Надо сказать, что арестованныхъ въ административномъ порядкѣ въ это время было много не только въ Петербургѣ, — и кое-гдѣ, подъ впечатліемъ разразившихся событій, они были немедленно освобождены, даже независимо отъ того, подлежали ли они призыву на военную службу. Другими словами, была дана, хотя и въ очень немногихъ мѣстахъ, такъ называемая административная или губернаторская „амнистія“

„Новое Время“ хлопотало и еще объ одной „необходимой поправкѣ“, а именно, чтобы казенное пособіе выдавалось не только законнымъ, но и вѣбравчимъ дѣтямъ призванныхъ на военную службу, что въ дѣйствующихъ правилахъ совсѣмъ не предусмотрено. Какого-либо общаго распоряженія въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ, насколько извѣстно, не послѣдовало, но правительство, по видимому, склонно не препятствовать этому. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя петроградскія попечительства уже начали выдавать пособія и гражданскимъ семьямъ призванныхъ.

Подъ давленіемъ нахлынувшихъ событій даже министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ допустить нѣкоторыя, хотя бы и строго ограниченныя, послабленія. Такъ, по сообщенію изъ Екатеринослава, оно увѣдомило учебныя заведенія, что „временно, на одинъ годъ отмѣняется циркуляръ, воспрещавшій пользоваться неодобренными учебниками“¹⁾. Оно вынуждено было также допустить нѣкоторыя отступленія отъ дѣйствующихъ правилъ относительно приема и перевода учащихся изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Оно разрѣшило послабленіе даже для евреевъ, переводимыхъ изъ учебныхъ заведеній, „кои по военнымъ обстоятельствамъ нынѣ не функционируютъ“. „Въ виду совершенно исключительныхъ условій настоящаго времени — говорится въ министерскомъ циркулярѣ — они могутъ быть въ текущемъ учебномъ году принимаемы въ учебныя заведенія, хотя бы въ нихъ по существующей нормѣ и не было вакансій для учениковъ евреевъ, но съ тѣмъ, чтобы ихъ приемъ отнюдь не былъ сопряженъ съ нарушеніемъ интересовъ христіанскихъ дѣтей“²⁾.

И въ судахъ какъ будто иначе стали смотрѣть на нѣкоторыя дѣла. Вѣдь вотъ депутатъ Керенскій и тринадцать екатеринбургскихъ учителей, обвинявшихся въ устройствѣ незаконнаго собранія подъ видомъ маевки, были оправданы членомъ окружнаго суда, при чемъ защита, доказывая несостоятельность предъявленнаго имъ обвиненія, прямо подчеркнула и „несоотвѣтствіе этого дѣла происходящимъ событіямъ“³⁾. Кіевская судебная палата отмѣнила

1) „Рѣчь“, 15 августа.

2) „Рѣчь“, 17 августа.

3) „Рѣчь“, 15 августа.

обвинительный приговоръ даже по одному изъ дѣлъ, связанныхъ съ процессомъ Бейлиса, и оправдала судившагося редактора. А вѣдь раньше къ такимъ дѣламъ она относилась очень сурово.

Тщательно собиравъ всѣ подобнаго рода факты, газеты склонны, быть можетъ, иной разъ относиться къ нимъ даже съ излишнею довѣрчивостію. И я не знаю, насколько можно положиться на слѣдующее сообщеніе „Южнаго Края“, тѣмъ болѣе, что даже имена въ немъ не названы (хотя угадать ихъ, конечно, не трудно).

Передаютъ интересныя подробности ареста и освобожденія одного виднаго лѣваго дѣятеля въ одной изъ столицъ. Онъ выставился кандидатомъ отъ соц.-д. въ Гос. Думу. Въ освобожденіи принималъ участие депутатъ Махлаковъ. Допросъ арестованнаго производилъ одинъ изъ видныхъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ.

Товарищъ министра спросилъ его, какъ относятся социаль-демократы къ войнѣ. Арестованный заявилъ, что социаль-демократы призываютъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ сражаться за отечество, которому грозитъ внѣшній врагъ, что, оставаясь при своихъ обычныхъ принципиальныхъ позиціяхъ и взглядахъ на милитаризмъ, они на эту войну смотрятъ, какъ на войну за освобожденіе. При этомъ онъ просилъ товарища министра не связывать его отвѣтъ съ вопросомъ объ его освобожденіи. Товарищъ министра немедленно отдалъ приказъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы ¹⁾.

Можно подумать, что правительство готово радикально измѣнить свое отношеніе даже къ социаль-демократамъ и если до сихъ поръ этого не сдѣлало, то только потому, что не имѣло еще возможности надлежащимъ образомъ удостовѣриться, какъ они относятся къ войнѣ...

Но какъ старательно газеты ни собираютъ такіе факты, ихъ все-таки оказывается очень немного и никакого вывода изъ нихъ сдѣлать нельзя, — тѣмъ болѣе, что имъ можно противопоставить цѣлый рядъ другихъ фактовъ, прямо противоположныхъ, которые свидѣтельствуютъ, что правительство считаетъ нужнымъ твердо и неуклонно вести ту же линію, какую оно вело раньше, не дѣлая отъ нея никакихъ отклоненій, кромѣ безусловно неизбежныхъ.

Въ частности, аресты и высылки продолжаютъ по прежнему. Въ Петроградѣ, напримѣръ, какъ сообщали газеты, въ день за сѣданія и роспуска Гос. Думы были произведены многочисленныя аресты и притомъ по дѣламъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ военному времени. Ранѣе возбужденныя политическія дѣла продолжаютъ идти своимъ порядкомъ. 20-го августа петроградская судебная палата разсмотрѣла два такихъ дѣла и приговорила семь человѣкъ къ ссылкѣ на поселеніе.

По отношенію къ евреямъ и другимъ инородцамъ, кромѣ отмѣченныхъ послабленій, никакихъ льготъ безусловно не допускается. Въ учебныхъ заведеніяхъ неукоснительно проводится жеребьевка для евреевъ, дополняющая и отягчающая установленную для нихъ процентную норму. По прежнему происходятъ въ Кіевѣ „облавы“

¹⁾ Цитирую по перепечаткѣ въ „Рѣчи“, 20 августа.

на евреевъ, не имѣющихъ права жительства тамъ ¹⁾. При всемъ недосугѣ военного времени полиція тамъ находитъ нужнымъ бороться даже съ надписями и вывѣсками на еврейскомъ языкѣ ²⁾. Курскій губернаторъ продолжаетъ попрежнему очищать свою губернію отъ евреевъ ³⁾ и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи послабленій даже по случаю военного времени ⁴⁾.

19 августа состоялось засѣданіе петроградскаго городского по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствія. Последнее нащю какъ разъ своевременнымъ разрѣшить извѣстнымъ юдофобамъ общество подъ названіемъ: „Изученіе іудейскаго племени“, какового они уже давно добивались, и въ то же время отказало въ регистраціи обществу подъ названіемъ „Сипай“, задававшемуся цѣлью способствовать распространенію среди евреевъ знанія еврейскаго языка, исторіи, литературы и быта.

Выше я упомянулъ, насколько чувствуется сейчасъ недостатокъ въ профессиональныхъ союзахъ, которые могли бы значительно облегчить борьбу съ нуждой, вызванной военнымъ временемъ. Совершенно не считаясь съ этой потребностью, присутствіе отказало въ регистраціи цѣлому ряду новыхъ профессиональныхъ союзовъ по формальнымъ причинамъ, — между прочимъ, потому, что въ уставахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ предусматривается помощь безработнымъ, а въ профессиональныхъ союзахъ, по мнѣнію присутствія, никакихъ безработныхъ быть не можетъ ⁵⁾. Даже теперь, когда по случаю военного времени, безработица замѣтно уже увеличилась, а далѣе грозитъ и еще болѣе увеличиться, петроградское присутствіе не сочло возможнымъ отступить отъ своей, давно уже проводимой имъ, точки зрѣнія.

Не смотря на „прекращеніе распрѣй“, о которомъ всѣ говорятъ, харьковскій архіепископъ Антошій составилъ и Св. Синодъ одобрилъ для распространенія въ войскахъ слѣдующее посланіе воинамъ:

Не бойся смерти—это первое, не опасайся за участь своей семьи—это второе. Богъ и Царь не оставятъ солдатскихъ сиротъ. Третье тебѣ увѣщаніе,—не слушай христоненавистныхъ искусителей-бунтовщиковъ и не читай ихъ прокламашій и газетъ, не вѣрь ихъ притворной волчьей жалости къ солдату, черезъ которую они стараются возбудить въ душѣ твоей ропоть на начальство, непослушаніе и нетерпѣніе въ дни лишеній и скорбей. Эти люди ненавидятъ Россію и въ душѣ презираютъ простой народъ, желаютъ ему погибели черезъ всякія забастовки и бунты, а сами остаются невредимыми, прячась за спины простаковъ. Помни и четвертое наставленіе—храни себя въ цѣломудріи и трезвости. Вражеская пуля и бомба боятся неоскверненнаго блудомъ христіанскаго тѣла и летятъ мимо него. Далѣе не обижайся на рѣзкое слово начальника, не завидуя успѣху товарища и съ покорностью

1) „Рѣчь“, 8 августа.

2) „Рѣчь“, 21 августа.

3) „Рѣчь“, 1 августа.

4) „Рѣчь“, 6 августа.

5) „Рѣчь“, 20 августа.

иди на святое дѣло, и, если Богъ благословитъ, возвращайся невредимымъ и побѣдителемъ ¹⁾).

Читая это „посланіе“, можно подумать, что русская армія отправлена сражаться не съ внѣшними врагами, а съ „внутренними“. О внѣшнихъ врагахъ въ немъ вѣдь не сказано ни слова...

Не трудно было бы привести и еще рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что власти не только не думаютъ прекращать борьбы съ „инородческимъ засиліемъ“ и „крамолой“, но чуть ли даже не склонны выдвигать ее на первый планъ. Больше того: онѣ даже не хотятъ, повидимому, ничего забыть на этотъ счетъ изъ прошлаго... Но задерживаться на этомъ я не буду. Мнѣ кажется для насъ важнѣе сейчасъ оцѣнить этотъ очевидный для всѣхъ „курсъ“, — оцѣнить съ точки зрѣнія такъ нужнаго сейчасъ Россіи объединенія всѣхъ силъ и столь важнаго въ этомъ случаѣ общаго патріотическаго подъема.

Достаточно будетъ, какъ мнѣ кажется, остановиться на двухъ линіяхъ отношеній. Изъ инородцевъ возьму евреевъ. Заподозриванія ихъ въ недостаточной преданности Россіи уже аннулированы: евреи проявили въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ не меньшій патріотическій порывъ, чѣмъ всѣ другіе народы Россіи, — не меньшій, быть можетъ, чѣмъ многіе коренные русскіе. И это — не на словахъ только. Свѣдѣнія, приходящія изъ арміи, свидѣлствуютъ о беззавѣтной храбрости, съ какой сражаются евреи за отечество, — и эти свѣдѣнія можно найти даже на столбцахъ „Новаго Времени“. Казалось бы, всѣ ограниченія евреевъ должны при этихъ условіяхъ отпасть. Но пусть даже не всѣ... Въ всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать въ этомъ отношеніи все, что требуется обстоятельствами военнаго времени. Но и этого вѣдь не сдѣлано.

Укажу хотя бы слѣдующее. Благодаря „процентной нормѣ“, установленной для евреевъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, очень многіе изъ нихъ учатся за границей и, въ частности, въ Германіи. Теперь всѣ, кто могъ, конечно, вернулись въ Россію. Одни изъ возвратившихся, вѣроятно, уже призваны подъ знамена и находятся теперь въ дѣйствующей арміи. Остальные могли бы учиться... Но гдѣ? Вѣдь доступъ въ русскія учебныя заведенія даже сейчасъ имъ преграждаетъ процентная норма. И получается такимъ образомъ слѣдующее: русскіе евреи сражаются сейчасъ съ Германіей, которая давала образованіе имъ, ихъ братьямъ и сестрамъ, — сражаются за Россію, которая отказываетъ имъ въ этомъ даже теперь, когда они проливаютъ кровь за нее...

Приведу еще одинъ конкретный фактъ. Въ газетахъ недавно была напечатана телеграмма врача-еврея министру народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія:

1) „Новое Время“, 14 августа.

„Мой сынъ выдержалъ вступительный экзамень въ первый классъ смоленской казенной гимназіи, дочь выдержала экзамень въ первый классъ въ Маринской женской гимназіи. Я участвовалъ въ маньчжурской кампаніи, Высочайше награжденъ орденами: св. Станислава и Анны съ мечами, состою теперь три года бесплатно врачомъ при третьемъ высшемъ смоленскомъ училищѣ, теперь снова призванъ въ дѣйствующую армію. Прошу распорядиться о приемѣ моихъ дѣтей сверхъ процентной нормы и внѣ жеребьевки“¹⁾.

На эту телеграмму получился такой отвѣтъ: „Ваше ходатайство о приемѣ сверхъ процента и внѣ жеребьевки отклонено“. И все тутъ...

Я не сомнѣваюсь, что, не смотря на все это, евреи свято выполняютъ свой долгъ передъ отечествомъ. Но можно ли при такихъ условіяхъ ожидать, что ихъ патріотическій порывъ будетъ все расти и крѣпнуть, что въ ихъ душу не проникнутъ другія настроенія и чувства? Вѣдь люди же они...

Изъ русскихъ „крамольниковъ“, которые такъ разнообразны и многочисленны, возьму эмигрантовъ. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ тяжеломъ положеніи оказались русскіе за границей послѣ того, какъ началась война. Но въ газетахъ писали лишь о путешествовавшихъ тамъ туристахъ, о лицахъ, находившихся на курортахъ, о чиновникахъ и коммерсантахъ, бывшихъ за границей по разнымъ дѣламъ, наконецъ, о рабочихъ, отправившихся туда за заработкомъ... И никто ничего не говорилъ объ эмигрантахъ, которыхъ тамъ—и, въ частности, въ воюющихъ съ нами странахъ—десятью тысячъ, если не больше, при чемъ многіе живутъ тамъ съ семьями. Положеніе ихъ прямо вѣдь ужасное. Туристы и прочіе, послѣ всѣхъ мытарствъ, какъ-никакъ добираются до Россіи, а эмигранты тамъ умирать должны. Буквально умирать...

Заработковъ никакихъ нѣтъ, сбереженій тоже, дороговизна страшная, и даже на помощь изъ Россіи, на помощь друзей и родственниковъ, нельзя рассчитывать. Единственный способъ отправки денегъ за границу былъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ²⁾, а оно предупреждало отправителей, что деньги будутъ выдаваться только тѣмъ получателямъ, которые имѣютъ паспорта. А какіе же у эмигрантовъ паспорта? Въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и консульствахъ къ эмигрантамъ попрежнему относятся, но меньшей мѣрѣ, равнодушно. Какъ будто это—вовсе не дѣти Россіи...

Я видѣлъ недавно пріѣхавшаго изъ Парижа. По его рассказамъ, эмигранты тамъ озабочены уже тѣмъ только, какъ бы прокормить дѣтишекъ, какъ бы имъ не дать умереть съ голоду. Устроили двѣ дѣтскихъ столовыхъ, но содержатъ ихъ не на что. Пріѣхавшій при-

¹⁾ „День“, 20 августа.

²⁾ Сейчасъ въ дружественныя намъ и нейтральныя страны можно уже переводить деньги черезъ нѣкоторые банки.

везъ съ собою подписанное тремя видными членами парижской колоніи обращеніе къ русскому обществу о помощи этимъ столовымъ. Ему дали это обращеніе, чтобы напечатать его въ здѣшнихъ газетахъ. Нѣсколько дней онъ бѣгалъ по газетнымъ редакціямъ, но напечатать, оказывается, нельзя; имѣется вѣдь обязательное постановленіе, воспреещающее печатать воззванія о сборѣ денегъ безъ разрѣшенія. Можетъ быть, градоначалникъ разрѣшилъ бы напечатать, но при нынѣшнемъ „курсѣ“ никто не рѣшается даже представить... Еще хуже, конечно, положеніе русскихъ эмигрантовъ въ Германіи и Австріи.

Нѣкоторые изъ эмигрантовъ ухитрились бы, можетъ быть, вернуться въ отечество. Но вотъ что рассказываетъ „Новое Время“ подъ заголовкомъ: „Арестъ соц.-дем. Маслова“:

Въ Озеркахъ д. № 9 по Варваринской ул. полишей въ ночь на 11 августа арестованъ журналистъ социаль-демократъ П. П. Масловъ. Его перевели въ пересыльную тюрьму, откуда онъ будетъ пересланъ въ Оренбургскую губернію. Въ виду болѣзненного состоянія Маслова, его родные возбудили ходатайство о высылкѣ Маслова въ одну изъ южныхъ губерній. Масловъ жилъ послѣднее время въ Германіи. Застигнутый тамъ военными дѣйствіями, онъ долженъ былъ наравнѣ съ другими русскими подданными, совершенно больной, искать спасенія въ Россіи; здѣсь его и арестовали¹⁾.

Судя по тону этой замѣтки, даже „Новое Время“ нѣсколько смущено тѣмъ, какъ нѣкоторыхъ русскихъ даже теперь встрѣчаютъ въ Россіи. Но г. Масловъ, насколько я знаю, не былъ въ данное время эмигрантомъ,—поэтому ему и досталась лишь административная ссылка. Другихъ же вѣдь можетъ встрѣтить въ Россіи каторга и даже висѣлица...

Выше я упомянулъ о воззваніяхъ, съ какими гг. Бурцевъ и Амфитеатровъ обратились къ русскимъ эмигрантамъ, убѣждая ихъ идти сражаться за отечество. Вообще это теченіе сейчасъ, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, довольно сильно въ эмигрантскихъ кругахъ, можетъ быть, оно является даже господствующимъ. Многіе изъ русскихъ, какъ слышно, поступили добровольцами во французскую, бельгійскую и англійскую арміи. Я не сомнѣваюсь, что даже теперешнее отношеніе официальной Россіи къ эмигрантамъ не помѣшаетъ имъ беззавѣтно любить свое отечество и, по силѣ своего разумѣнія и совѣсти, такъ или иначе выполнить до конца свой долгъ передъ нимъ. Но и они вѣдь все таки люди, и они вѣдь чувствуютъ...

На необходимость амнистіи въ настоящій моментъ было уже указано съ трибуны Гос. Думы А. О. Керенскимъ. Указывала на ея необходимость и печать, хотя бы въ лицѣ „Русск. Вѣдомостей“ (15 августа). Какъ говорятъ, даже нѣкоторые изъ крайнихъ правыхъ—г. Хвостовъ, напримѣръ,—находили, что этотъ актъ безусловно необходимъ въ настоящее время. Можетъ быть, мысль о

¹⁾ „Новое Время“, 12 августа.

немъ была и у правительства, можетъ быть, она даже не совсѣмъ оставлена...

Но я поставилъ вѣдь такой вопросъ: что сдѣлано, чтобы упрочить „достигнутое единеніе“ и усилить патріотическіи порывы, которымъ оно было обусловлено? И вотъ, заканчивая статью, мнѣ приходится сказать: ничего пока не сдѣлано. Не сдѣлано даже первое, что нужно для прекращенія распрей, — не преданы забвенію прошлыя..

А. Пъшехоновъ.

Наброски современности.

„Борьба съ германизмомъ“ и національный вопросъ.

Въ моментъ внѣшнихъ осложненій вопросы внутренней жизни должны быть отложены, отодвинуты на задній планъ—таковъ былъ лозунгъ, совсѣмъ недавно выдвинутый значительной частью нашей печати. Въ этомъ лозунгѣ объединились одно время и органы правой прессы, и органы прессы либеральной. И нѣкоторымъ—быть можетъ, даже многимъ — казалось весьма легкимъ осуществить такой лозунгъ на практикѣ и представлялось, что онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ наиболѣе существеннымъ потребностямъ текущей минуты. Въ самомъ дѣлѣ, — внѣшняя опасность, нависшая надъ страной, настоятельно и властно требовала возможно большаго объединенія силъ послѣдней. Такъ просто и такъ соблазнительно-легко казалось достигнуть этого объединенія, временно устранивъ изъ поля зрѣнія все то, что разобщаетъ различные слои и группы населенія, и обративъ все вниманіе только на то, что связываетъ ихъ вмѣстѣ передъ лицомъ внѣшняго врага. И въ результатѣ, если не въ широкихъ массахъ населенія, то въ значительной части обслуживающей его печати и въ рядѣ общественныхъ группъ лозунгъ, требовавшій отложенія вопросовъ внутренней жизни, отсрочки всякихъ попытокъ коренного ихъ рѣшенія, получилъ большую популярность.

Прошло не много времени съ того момента, какъ этотъ лозунгъ былъ провозглашенъ. Но за это недолгое время успѣла наглядно выясниться полная неосуществимость требованій, заложенныхъ въ такомъ лозунгѣ, — неосуществимость, которую можно было, впрочемъ, легко предвидѣть и заранее. Внутренняя жизнь громаднаго государства не останавливается въ періодъ внѣшняго столкновенія, — не могутъ быть устранены и отодвинуты въ сторону и порожденные ею вопросы. Больше того. На фонѣ внѣшней борьбы, въ прямой связи съ представляемыми ею опасностями и выростающими на ея почвѣ нуждами, наиболѣе острые вопросы нашей внутренней жизни стали еще болѣе остро, вырисовались еще болѣе

отчетливо и настойчиво зовутъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, кто серьезно озабоченъ настоящимъ и будущимъ родной страны.

Въ ряду этихъ острыхъ и больныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ національный. Это давній и сложный вопросъ русской государственной жизни, вопросъ, съ которымъ въ ея прошломъ и настоящемъ связано много страданій и лишеній, много слезъ и крови. Но въ первое время послѣ возникновенія внѣшнихъ осложненій и онъ, въ числѣ другихъ вопросовъ внутренней жизни, въ глазахъ многихъ какъ бы утратилъ свою остроту. Всевозможныя притѣсненія „инородцевъ“ и ограниченія національныхъ правъ отдѣльныхъ народностей сторонники этихъ мѣръ нерѣдко оправдывали страхомъ за единство государства, опасеніями передъ сепаратистскими тенденціями, будто бы усвоенными чуть ли не всѣми населяющими Россію племенами, не принадлежащими къ великорусской народности. Однако грянула военная гроза,—и всѣ народности Россіи, вплоть до тѣхъ, на чью долю выпадало наибольшее количество подозрѣній, строго выполнили свой долгъ передъ общей родиной, а инныя изъ нихъ, и притомъ какъ разъ наиболѣе ограниченныя въ своихъ правахъ, проявили при этомъ и большой энтузіазмъ.

Первое впечатлѣніе отъ этого знаменательнаго факта въ виду реальной опасности, угрожающей государству, было настолько сильно, что даже наиболѣе ревностные и усердные сѣятели національной розни почувствовали себя какъ будто сбитыми съ обычныхъ позицій. Бульварныя газеты наполнились рассказами о раскаяніи, будто бы охватившемъ такихъ „дѣятелей“, какъ гг. Пуришкевичъ, Замысловскій и Шмаковъ, повѣствованіями о томъ, будто они признаютъ вредъ прежней своей дѣятельности и обѣщаютъ на будущее время прекратить свое служеніе дѣлу національной травли, вражды и распрей. Одновременно съ этимъ въ наиболѣе націоналистическихъ газетахъ и въ собраніяхъ крайнихъ правыхъ организацій слышались такія рѣчи, которыхъ раньше здѣсь нельзя было слышать. „Сейчасъ въ Россіи нѣтъ ни эллина, ни іудея, есть только граждане русскаго государства“—такъ формулировалъ эти рѣчи одинъ православный священникъ въ собраніи правыхъ, „истинно-русскихъ“ людей. Но на этихъ рѣчахъ правая пресса и остановилась. Для нея, привыкшей понимать національный вопросъ, какъ національную травлю, признаніе того, что „эллинъ“ и „іудей“ одинаково являются „гражданами русскаго государства“, немедленно вело за собою ослабленіе, если не полное исчезновеніе, интереса къ національному вопросу. Разъ по обстоятельствамъ времени не приходилось возстановлять „эллиновъ“ противъ „іудеевъ“, разъ послѣдніе въ трудную минуту государственной жизни сами признавали себя прежде всего гражданами русскаго государства и не уклонялись отъ связанныхъ съ такимъ признаніемъ тяготъ, то для правой прессы національный вопросъ

терялъ свою остроту и, если не исчезалъ окончательно изъ поля зрѣнія, все же выходилъ изъ круга злободневныхъ интересовъ.

Органы либеральной прессы, конечно, не могли разсуждать такимъ образомъ. Но и имъ въ свою очередь представлялось, что національный вопросъ неизбежно долженъ утратить свою остроту и напряженность, что въ виду признанія даже правыми общественными кругами отсутствія „эллиновъ“ и „іудеевъ“ въ Россіи и объединенія всего ея населенія обязанностями гражданъ русскаго государства должно само собою послѣдовать уравниеніе этого населенія въ гражданскихъ правахъ. „Духъ единенія и солидарности, — писали по этому поводу, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ — вспыхнувшій съ такой силой среди разноплеменнаго населенія имперіи и сплотившій его въ одно цѣлое, готовое дать единодушный отпоръ врагу, не можетъ не произвести глубокаго воздѣйствія на взаимныя отношенія различныхъ группъ этого населенія. И это воздѣйствіе уже обнаружилось. Съ перваго момента проявленія сверхнаціональнаго, общегосударственнаго патріотическаго чувства стало ясно, что именно въ этомъ чувствѣ лежитъ для насъ залогъ успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непреодолимой, бьющей въ глаза очевидностью обрисовалось вопіющее противорѣчіе между моральнымъ единодушіемъ страны и юридическими перегородками, отдѣляющими другъ отъ друга различныя группы ея населенія. Перегородки эти на нашихъ глазахъ начали падать сами собой... Даже люди консервативныхъ убѣжденій вдругъ почувствовали психологическую невозможность поддерживать и отстаивать національныя ограниченія... Если нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ на войнѣ, предъ лицомъ врага, то не можетъ его быть въ мирѣ, среди повседневнаго теченія жизни. Нельзя представить себѣ, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, могли считаться въ ней гражданами втораго разряда“¹⁾.

На дѣлѣ то, что отказывались представить себѣ „Русскія Вѣдомости“, оказалось вполне возможнымъ и въ русской жизни установился или, точнѣе говоря, сохранился тотъ самый порядокъ психологическую невозможность откровенной защиты котораго на время почувствовали даже отечественные консерваторы. На поляхъ брани нѣтъ „эллиновъ“ и „іудеевъ“, нѣтъ ихъ и при распредѣленіи среди населенія военныхъ тягостей, какъ и вообще обязанностей передъ государствомъ, но, когда дѣло касается гражданскихъ правъ населенія, права эти оказываются далеко не равными и группы „эллиновъ“ и „іудеевъ“ сохраняются въ полной неприкосновенности. А вмѣстѣ съ тѣмъ сохранился во внутренней жизни государства во всей своей тревожной сложности національный вопросъ, — и не только сохранился, но въ связи съ нахлынувшими

¹⁾ „Р. Вѣдомости“, 3 августа 1914 г.

событіями пріобрѣлъ еще большую напряженность, нежели та, какая была присуща ему раньше.

Правда, даже и тогда, когда сознаніе этого факта стало уже проникать въ широкіе общественные круги, не оказалось недостатка въ публицистахъ, которые старались отойти отъ него сами и отвести другихъ, пытаясь отвлечь общественное вниманіе въ другія области, по преимуществу—въ сферу внѣшней политики. Такую линію усвоила въ первую голову націоналистическая печать. Вынужденная обстоятельствами времени прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить травлю поляковъ, литовцевъ, малороссовъ, евреевъ и многихъ другихъ „инородцевъ“, она занялась травлей нѣмцевъ, усердно раздувая ненависть ко всей нѣмецкой націи. Стоящее во главѣ этой печати „Новое Время“ изо всѣхъ силъ старается изобразить обрушившуюся на насъ войну такимъ образомъ, какъ будто Россія воюетъ не съ Германской имперіей, не съ германской арміей, а съ германскимъ народомъ во всей его совокупности. И суворинская газета, по обыкновенію легко и беззаботно забывая то, что она сама писала нѣсколько времени назадъ, не жалѣетъ самыхъ темныхъ красокъ для изображенія нѣмецкаго народа. Если вѣрить ей, нѣмецкая армія это—„звѣри“: „ничего человѣческаго не видно въ этомъ миллионномъ скопищѣ озвѣрѣвшихъ убійцъ, насильниковъ и поджигателей“. Но не лучше своей арміи и нѣмецкій народъ: „весь народъ—одно сплошное полчище подлыхъ преступниковъ, сразу сдѣлавшихъ чуть не невинными младенцами тѣхъ варваровъ-кочевниковъ, которые опустошали цвѣтушія страны“. Съ „полчищемъ подлыхъ преступниковъ“ нельзя, конечно, рассчитывать заключить и обычный между народами миръ. „Нѣтъ мира съ дикими звѣрями!—воскликаетъ въ „Нов. Времени“ какой-то г. Ч—скій.—Нельзя оставлять гнѣзда заразы, чтобы она вновь охватила мирные народы... Надо навсегда вырвать оружіе изъ преступной руки и вернуть народъ палачей и звѣрей къ человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“¹⁾.

Съ своей стороны „Новое Время“ не устаетъ указывать средства и способы для возвращенія нѣмецкаго народа къ „человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“. Для достиженія этой высокой цѣли оно послѣдовательно рекомендовало арестовать, выслать въ отдаленныя губерніи и обратить на принудительныя работы всѣхъ еще оставшихся въ Россіи германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, отказаться отъ всякаго снисхожденія и челоуколюбія по отношенію къ ихъ женамъ и дѣтямъ, конфисковать всѣ нѣмецкія деньги въ русскихъ банкахъ, отказать въ законной защитѣ всѣмъ нѣмецкимъ привилегіямъ на изобрѣтенія, бойкотировать всѣхъ нѣмцевъ-торговцевъ. „Бойкотъ—поясняла газета это послѣднее свое предложеніе—распространяется на всѣхъ нѣмцевъ, а не только ино-

¹⁾ „Н. Время“, 18 августа.

странныхъ подданныхъ, иначе онъ не имѣлъ бы смысла“¹⁾. Словомъ, въ борьбѣ съ Германіей, по мнѣнію газеты, мало отринуть элементарную гуманность и общепринятые международные обычаи. Даже состоящіе русскими подданными нѣмцы должны быть раззорены, даже русская промышленность и торговля, поскольку она находится въ рукахъ лицъ нѣмецкаго происхожденія, должна быть подорвана, чтобы вернуть нѣмецкій народъ къ „человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“. Столь же человѣколюбивыми и столь же умными предложеніями наполнялись и наполняются столбцы и другихъ націоналистическихъ газетъ, на перебой стремящихся разжечь слѣпую и жестокую вражду ко всему нѣмецкому, вплоть до нѣмецкаго языка.

Нельзя сказать, чтобы эта агитация проходила безслѣдно. Наоборотъ, порою ея вліяніе сказывается даже въ такихъ кругахъ общества, которые съ перваго взгляда можно было бы считать застрахованными отъ этого вліянія. Такъ, напр., московская городская управа недавно выступила передъ думой съ предложеніемъ въ виду войны съ Германіей переименовать Нѣмецкую улицу въ Москвѣ въ Пушкинскую. Московскимъ гласнымъ пришлось объяснить своей управѣ, что въ такомъ переименованіи улицы нѣтъ большого смысла, что Нѣмецкая улица—название историческое, идущее отъ старинной Нѣмецкой Слободы, что въ уираздненіи подобныхъ историческихъ названій проявляется неуваженіе къ собственному прошлому,—и все же въ концѣ концовъ предложеніе управы было не отвергнуто окончательно, а передано въ комиссію²⁾. Такого рода эпизоды могли бы еще, пожалуй, представляться не особенно серьезными. Но ими дѣло не ограничивается и агитация, возбужденная противъ нѣмцевъ, даетъ и другіе плоды. Въ рижскомъ учебномъ округѣ, какъ сообщаютъ газеты, закрыты по распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ учебныя заведенія, содержащіяся мѣстнымъ нѣмецкимъ обществомъ „Deutscher Verein“. Одновременно состоялось закрытіе кружковъ, объединявшихъ въ себѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ и содержавшихъ различныя учебныя заведенія³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ было опубликовано другое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, распространяющееся на всю имперію и воспрещающее во все время военныхъ дѣйствій принимать въ высшія и среднія учебныя заведенія германскихъ и австро-венгерскихъ подданныхъ⁴⁾.

Власти готовы такимъ образомъ въ весьма значительной степени идти на встрѣчу агитации, направленной противъ нѣмцевъ. Но въ другихъ случаяхъ тѣ же власти не колеблются принимать

1) „Н. Время“, 3, 13 и 4 августа.

2) «Рѣчь», 20 августа.

3) «Бирж. Вѣдомости», 11 августа.

4) «Рѣчь», 15 августа.

весьма рѣшительныя мѣры противъ такой агитаціи. Въ газетахъ за послѣднія недѣли было опубликовано уже нѣсколько случаевъ примѣненія въ прибалтійскихъ губерніяхъ строгихъ административныхъ взысканій за враждебныя мѣстнымъ нѣмцамъ демонстраціи. Вольмарскій воинскій начальникъ помѣстилъ въ газетахъ особое объявленіе по поводу случаевъ грубаго обращенія съ лицами нѣмецкаго происхожденія, равно какъ нападенія толпы на двухъ помѣщиковъ, и въ этомъ объявленіи „напоминается, что виновные въ подобныхъ дѣйствіяхъ будутъ подвергнуты строгому наказанію“¹⁾. Въ Рижскомъ уѣздѣ волостной учитель Маршанъ, который предложилъ разговаривавшему по нѣмецки съ начальникомъ станціи помощнику уѣзднаго начальника барону Фитингофу „хоть теперь говорить по русски“, былъ за это посаженъ въ административномъ порядкѣ на три мѣсяца въ тюрьму и только по ходатайству мѣстнаго архіепископа былъ освобожденъ изъ нея раньше назначеннаго ему срока²⁾.

Какъ видно, даже съ точки зрѣнія власти агитація, направленная противъ нѣмецкой національности, за извѣстными предѣлами признается небезопасной. Нѣтъ надобности, конечно, подробно доказывать, что съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ Россіи и русскаго народа такая агитація во всѣхъ ея формахъ можетъ принести только серьезный вредъ. И, пожалуй, съ особенною силой такой вредъ можетъ сказаться въ томъ, что подобная агитація, сводя потрясенное національное чувство съ пути нормальнаго развитія, возбуждая и обостряя національную вражду, тѣмъ самымъ отвлекаетъ мысль и чувство захваченныхъ ею круговъ отъ внутренней жизни родной страны и создаетъ препятствіе для правильной постановки и разрѣшенія въ этой жизни національнаго вопроса. Тѣмъ, кто ведетъ яростную борьбу противъ какой-либо національности и призываетъ къ лишенію принадлежащихъ къ ней лицъ всѣхъ гражданскихъ правъ, трудно, конечно, думать о разрѣшеніи національнаго вопроса въ смыслѣ обращенія лицъ всѣхъ національностей въ равноправныхъ гражданъ государства.

Но отвлеченіе общественнаго вниманія отъ вопросовъ внутренней жизни государства и, въ частности, отъ вопроса національнаго, какъ онъ поставленъ въ условіяхъ этой жизни, достигается не только путемъ пропаганды откровенныхъ и послѣдовательныхъ націоналистовъ, временно оставившихъ въ покоѣ однихъ „инородцевъ“, чтобы съ тѣмъ большимъ усердіемъ приняться за другихъ. Въ томъ же направленіи въ сущности готовы идти и общественные дѣятели другого типа, далекіе отъ зоологическаго націонализма, но слишкомъ экспансивные для того, чтобы сохранить рав-

1) «Рѣчь», 6 августа.

2) «Рѣчь», 20 августа; Бирж. Вѣдомости, 25 августа.

новѣсїе въ потокѣ событій и серьезно задуматься надъ сложными проблемами текущаго дня. Яркимъ представителемъ дѣятелей такого типа на поприщѣ публицистики является извѣстный московскій профессоръ и публицистъ кн. Евгеній Трубецкой. Было время,—всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—когда г. Трубецкой въ краснорѣчивыхъ статьяхъ призывалъ русское общество довольствоваться скромнымъ сѣрымъ дождемъ октябристскихъ реформъ. Теперь г. Трубецкой съ неменьшимъ краснорѣчіемъ призываетъ русское общество къ разрѣшенію задачъ міровой важности—внѣ предѣловъ Россіи. И въ оправданіе такихъ призывовъ у него имѣется даже особая философія русской исторіи, философія, согласно которой „особенность русскаго патриотизма заключается въ томъ, что онъ никогда не воодушевляется идеей родины, какъ такой, служеніемъ русскому, какъ такому“. Путемъ сопоставленія русско-турецкой войны 1877 - 78 гг., русско-японской войны и войны пынѣшней г. Трубецкому, по его убѣжденію, удалось открыть „одну великую тайну нашего національнаго бытія“: мы терпѣли пораженія, когда „сражались только за себя самихъ“, но наряду съ этимъ „Россія обрѣтаетъ свое духовное единство и цѣлость въ освободительной войнѣ“. Разгадавъ эту „великую тайну національнаго бытія“, г. Трубецкой, естественно, безъ труда разгадываетъ и смыслъ настоящей войны, тотъ смыслъ, который опредѣляетъ ея задачи.

„Къ счастью для Россіи,—говоритъ г. Трубецкой—въ освобожденіи другихъ народностей, въ особенности народностей славянскихъ, заключается условіе не только духовной, но и матеріальной ея цѣлости. Единство и цѣлость Россіи и освобожденіе родственныхъ славянскихъ народовъ—вотъ два лозунга, во имя которыхъ ведется война. Нужно ли доказывать, что оба они составляютъ одно неразрывное цѣлое? Если родственныя намъ славянскія племена не устоятъ противъ напора воинствующаго германизма, то не устоитъ передъ нимъ и Россія. Напротивъ, если Россіи суждено оставаться цѣлой и недѣлимой, то германскому игу надъ славянами вообще долженъ быть положенъ конецъ. Должна быть восстановлена единая, свободная въ своемъ самоуправленіи Польша, должна вырости великая Сербія, должна создаться независимая Чехія; и должны вырости за счетъ Австріи всѣ тѣ національныя государства, которыя примкнутъ къ великой освободительной войнѣ“¹⁾.

Объединить Польшу, помочь вырости великой Сербіи, создать независимую Чехію, увеличить за счетъ Австріи рядъ другихъ національныхъ государствъ... Это, конечно, не то, что возвращать нѣмецкій народъ, по рецепту „Новаго Времени“, къ „человѣческимъ чувствамъ и мыслямъ“. Но есть все-таки въ томъ и дру-

¹⁾ „Р. Вѣдомости“, 8 августа.

гомъ пониманіи задачъ Россіи въ текущую минуту нѣчто общее. И нововременскіе писатели, и г. Трубецкой одинаково усматриваютъ всю сущность этихъ задачъ въ „борьбѣ съ германизмомъ“. Дальше наступаетъ уже разница. Сотрудники „Новаго Времени“ и подобныхъ ему газетъ видятъ залогъ успѣшности такой борьбы въ травлѣ лицъ, принадлежащихъ къ нѣмецкой національности. Г. Трубецкой такой травлей не занимается и никого къ ней не зоветъ. Онъ понимаетъ „борьбу съ германизмомъ“ иначе—лишь въ видѣ стремленія къ созданію силами Россіи ряда славянскихъ и другихъ національныхъ государствъ на развалинахъ нынѣшней Австро-Венгріи и отчасти Германіи. Но во всякомъ случаѣ и для него борьба съ германизмомъ является самой важной и основной задачей настоящей минуты. Въ частности, лишь въ связи съ успѣшнымъ исходомъ этой борьбы представляется ему возможнымъ и правильное разрѣшеніе національной проблемы въ Россіи, а до поры, до времени онъ не видитъ даже надобности особенно пристально присматриваться къ конкретнымъ очертаніямъ этой проблемы. Въ дѣйствительности однако присмотрѣться къ нимъ очень важно, и, пожалуй, особенно важно для тѣхъ людей, которые, подобно г. Трубецкому, заняты мыслями объ освобожденіи славянскихъ земель.

Толчокъ къ отмѣченнымъ выше открытіямъ въ области русской исторіи данъ былъ г. Трубецкому, поскольку можно заключить изъ его статей, главнымъ образомъ опубликованнымъ 1-го августа воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ. Горячо привѣтствуя это воззваніе, г. Трубецкой глубоко увѣренъ въ его чрезвычайно важномъ значеніи какъ для Польши, такъ и для Россіи. „Освобожденіе Польши изъ-подъ нѣмецкаго ига — говоритъ онъ — не есть только задача нашей верховной власти: это въ настоящее время наше важнѣйшее народное русское дѣло, отъ успѣшнаго выполненія котораго зависитъ все наше будущее. Не только для Польши, но и для Россіи это—основной жизненный вопросъ, ибо только Россія, объединившая Польшу, можетъ собрать вокругъ себя славянство. И только Россія, ставшая центромъ всеславянскаго единенія, можетъ стоять на высотѣ подобающаго ей величія и могущества“¹⁾. Наряду съ этимъ г. Трубецкой считаетъ „совершенно бесполезнымъ и несвоевременнымъ“— „задаваться вопросомъ, что собственно обѣщаетъ полякамъ воззваніе и какой строй оно сулитъ обновленной Польшѣ“. По его мнѣнію, „было бы безуміемъ предполагать, что Россія можетъ дать полякамъ меньше, чѣмъ даютъ имъ нѣмцы и австрійцы“. „Не для того она призываетъ поляковъ къ единенію съ собой, чтобы лишить ихъ тѣхъ правъ самоуправленія, коими

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 3-го августа.

они пользуются подъ австрійскимъ владычествомъ. Поляки и русскіе должны понять, что это невозможно“. „Если — прибавляетъ г. Трубецкой—мы до сихъ поръ этого не понимали, если мы, увлекаясь ложнымъ націонализмомъ, не сознавали нашего подлиннаго національнаго интереса, это обусловливается тѣмъ, что доселѣ мы находились подъ германскимъ игомъ. Только теперь мы его сбросили, но до послѣдняго времени оно тяготѣло, если не надъ нашей территоріей, то надъ нашей душой, надъ нашей волей и чувствомъ. Добрососѣдскія отношенія между Россіей, съ одной стороны, Австріей и Германіей, съ другой стороны, существовали и поддерживались за счетъ славянства и въ особенности за счетъ Польши. Именно соучастіе въ раздѣлѣ Польши поддерживало согласие: совмѣстная борьба противъ родственнаго намъ славянскаго народа, вотъ что служило источникомъ близости между нами. И близость эта служила интересамъ Германіи и Австріи, а не Россіи“¹⁾.

Далеко не все въ этой цѣни разсужденій представляется безспорнымъ. Можно и должно горячо привѣтствовать выразившееся въ воззваніи 1-го августа признаніе правительства, что раздѣлъ Польши не вызывался русскими интересами и съ точки зрѣнія этихъ интересовъ былъ ошибкой. Можно и должно горячо привѣтствовать мысль о воссоединеніи въ одно самоуправляющееся цѣлое раздѣленныхъ частей Польши—Польши, конечно, этнографической а не исторической. Но считать отторженіе принадлежащихъ пока Германіи и Австро-Венгріи польскихъ областей отъ этихъ государствъ самымъ важнымъ для русскаго народа дѣломъ, отъ котораго зависить вся будущность Россіи, значить идти ужъ черезчуръ далеко и черезчуръ ужъ мало считаться съ реальною жизнью. И точно также, лишь не считаясь въ достаточной степени съ реальною жизнью, возможно говорить, будто прежнее отношеніе официальной Россіи въ Польшѣ всецѣло и исключительно зависѣло отъ „германскаго ига“, отъ добрососѣдскихъ отношеній первой къ Австріи и Германіи. Чтобы провѣрить правильность этого утвержденія, достаточно вспомнить, что тѣ же добрососѣдскія отношенія не помѣшали Австріи, объ „игѣ“ которой надъ польскими землями говорить г. Трубецкой, установить въ Галиціи конституціонный порядокъ, прочно привязавшій польское населеніе этой области къ австро-венгерской монархіи.

Сейчасъ, конечно, важно не столько прошлое, сколько настоящее и будущее, и если я отмѣчаю неправильное объясненіе г. Трубецкимъ прошлаго, то только потому, что такая неправильная оцѣнка прошлаго можетъ создать почву для неправильнаго отношенія къ настоящему и будущему. Въ настоящемъ прежнее положеніе русской Польши остается пока безъ перемѣнъ. Что касается будущаго, то г. Трубецкой, какъ мы видѣли, глубоко убѣжденъ, что, объеди-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 8-го августа.

жившись подъ властью Россіи, поляки будутъ имѣть не меньше правъ, чѣмъ имѣютъ они ихъ теперь въ Галиціи. Возможно, что такъ именно и будетъ, но все же, пожалуй, не мѣшаетъ попытаться представить себѣ тотъ конкретный путь, какимъ это можетъ произойти. Если къ тому моменту, когда будетъ рѣшаться этотъ вопросъ, сохранятся всѣ существующія условія нашей жизни, то дѣло созданія Польши, „свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи“, должно будетъ проходить черезъ тѣ самыя законодательныя учрежденія, черезъ которыя еще такъ недавно не смогъ пройти до-нельзя скромный, до послѣдней степени урѣзанный проектъ городского самоуправления въ русской Польшѣ. Правда, обстоятельства измѣняются, если не людей, то ихъ настроенія. Тотъ самый, напримѣръ, г. Гучковъ, который въ 1904 г. выступалъ горячимъ противникомъ идеи объ автономіи русской Польши, сейчасъ въ бесѣдѣ съ польскими журналистами въ Варшавѣ нашелъ возможнымъ заявить, что съ его точки зрѣнія „было бы безуміемъ, еслибы Россія въ концѣ побѣдоносной войны инкорпорировала на общихъ основаніяхъ нашихъ губерній всѣ польскія провинціи“. „Для нихъ... утверждалъ онъ въ той же бесѣдѣ—надо было бы придумать новую политическую форму и, какъ бы она ни была умѣренна, но русская Польша не можетъ удержаться на прежнихъ основаніяхъ“. По нынѣшнему мнѣнію г. Гучкова, въ ближайшемъ будущемъ неизбежно образованіе автономной Польши въ видѣ связаннаго общей верховной властью съ Россіей польскаго королевства съ варшавскимъ сеймомъ, вѣдающимъ его внутреннія дѣла, и съ опредѣленными обязанностями и правами въ отношеніи имперіи. Высказывая такое мнѣніе, г. Гучковъ не видитъ въ немъ и существеннаго противорѣчія съ той позиціей, какую онъ занималъ раньше въ вопросѣ объ автономіи русской Польши. Все дѣло въ томъ, что прежде приходилось думать „объ регулированіи жизни въ части имперіи“, а теперь — „объ огромномъ конгломератѣ, который составитъ послѣ распадѣнія Австріи и Германіи“¹⁾. Этимъ различіемъ, въ глазахъ г. Гучкова, всецѣло объясняется и различіе его прежней и нынѣшней позиціи въ польскомъ вопросѣ. Возможно, что такъ же разсуждаютъ и многіе изъ политическихъ единомышленниковъ г. Гучкова, какъ и вообще многіе изъ людей, стоящихъ на правомъ крылѣ нашей общественности. И все же — стоитъ на минуту попытаться конкретно представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ можетъ рѣшаться вопросъ о выработкѣ новыхъ формъ устройства Польши, чтобы немедленно увидѣть, какъ тѣсно связаны этотъ вопросъ съ общимъ укладомъ русской государственной жизни и съ общимъ разрѣшеніемъ въ ней національнаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, польскій вопросъ—лишь одинъ изъ тѣхъ частныхъ національныхъ вопросовъ, которые накопились въ нашей

¹⁾ „День“, 24-го августа.

жизни и настойчиво требуют разрѣшенія. И если для дѣятелей, подобныхъ г. Гучкову, характерно, что они не представляютъ себѣ необходимости коренного разрѣшенія этихъ вопросовъ, пока рѣчь идетъ о „регулированіи жизни въ части имперіи“, то въ дѣйствительности, конечно, дѣло обстоитъ иначе. Въ интересахъ самого государства необходимо такое „регулированіе жизни“, при которомъ интересы всѣхъ отдѣльныхъ національностей находили бы себѣ полное удовлетвореніе въ рамкахъ существующаго государственнаго строя. Въ нашей дѣйствительности это условіе отсутствуетъ и такое отсутствіе больно даетъ себя чувствовать отдѣльнымъ народностямъ, входящимъ въ государственный организмъ. Характернымъ образчикомъ этого является современное положеніе малорусской народности, создающее въ нашей жизни такъ называемый украинскій вопросъ. Наши правые партіи, вплоть до праваго крыла либераловъ, склонны были объяснять самое возникновеніе этого вопроса сепаратистскими тенденціями живущей въ предѣлахъ Россіи украинской интеллигенціи. Такое объясненіе было, конечно, либо заблужденіемъ, либо — еще чаще — недобросовѣстнымъ измышленіемъ, и это съ полной очевидностью обнаружили послѣднія событія. Когда надъ Россіей разразилась военная гроза, видные органы украинской общественной мысли выступили съ рѣшительными заявленіями на счетъ той позиціи, какую долженъ занять въ надвинувшихся событіяхъ украинскій народъ. „Въ идеалахъ украинцевъ и практическихъ постулатахъ украинскаго общества, начиная съ Кирилло-Меодіевскаго Братства и вплоть до нашихъ дней, — писала по этому поводу „Украинская Жизнь“ — національное развитіе части украинскаго народа, вошедшей въ составъ Россіи, всегда мыслилось въ предѣлахъ послѣдней и въ тѣсномъ союзѣ съ народами, населяющими ее“. „Противники Россіи — продолжалъ названный журналъ — при переходѣ границы будутъ, конечно, стараться привлечь украинское населеніе на свою сторону и всякими обѣщаніями, политическими и національными посулами посѣять смуту среди него. Украинцы не поддадутся провокаціоннымъ воздѣйствіямъ и выполнятъ свой долгъ гражданъ Россіи въ это тяжелое время до конца и не только на полѣ брани, въ рядахъ бранной рати, сражающейся противъ нарушителей мірового мира и права, но и какъ граждане-обыватели, обязанные въ мѣру своихъ силъ и возможностей содѣйствовать успѣшному выполненію русской арміей исключительно отвѣтственной задачи, выпавшей на ея долю“¹⁾. То же самое, лишь въ нѣсколько иныхъ и, пожалуй, еще болѣе энергичныхъ выраженіяхъ, заявляла немедленно послѣ начала войны кievская украинская газета „Рада“. На практикѣ украинское населеніе Россіи и заняло указанную этими органами позицію, тѣмъ самымъ, каза-

1) „Украинская Жизнь“, 1914, № 7, сс. 4, 5.

лось бы, устранивъ всякія опасенія на счетъ существованія въ его средѣ сколько-нибудь сильныхъ сепаратистскихъ тенденцій.

Съ такимъ устраненіемъ неосновательныхъ опасеній нѣкоторые органы прессы связывали большія ожиданія и надежды. „Если — писала въ цитированной уже мною статьѣ „Украинская Жизнь“ — въ наиболѣе критическіе дни испытаній народности Россіи выполняють свои обязанности передъ нею, то въ сознание общества и его правящихъ круговъ должна проникнуть мысль о предоставленіи этимъ народностямъ и соответствующихъ правъ“¹⁾. Пока однако мы наблюдаемъ нѣчто иное. Въ глазахъ правящихъ круговъ и примыкающихъ къ нимъ слоевъ общества украинское національное движеніе вообще и украинская пресса въ частности продолжаетъ находиться въ подозрѣніи и сообразно этому на послѣднюю и въ настоящее время падаютъ тяжелые удары. Кіевская „Рада“ закрыта на все время военнаго положенія. Закрытъ и выходившій въ Кіевѣ украинскій журналъ „Маякъ“. Редакторъ другого кіевского же украинскаго журнала, „Украинской Хаты“, г. Богацкій, по сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, арестованъ и въ административномъ порядкѣ высылается въ Тобольскую губернію. Эти и подобныя имъ удары были бы чувствительны во всякое время, но въ обстоятельствахъ текущаго момента ихъ чувствительность, пожалуй, еще болѣе увеличивается.

Вопросъ о правахъ національной культуры стоитъ въ настоящій моментъ передъ малороссами приблизительно въ такой же формѣ, какъ и передъ поляками. Если послѣднимъ приходится задумываться надъ тѣмъ, сохранять ли въ будущемъ галицкіе поляки тѣ права, какія они имѣютъ сейчасъ, то и малороссы въ свою очередь естественно озабочены тѣмъ, сохранить ли украинская культура нынѣшнее свое положеніе въ Галиціи. Не надо забывать, что украинскій языкъ въ Галиціи, наряду съ польскимъ, является не только языкомъ домашняго обихода и литературы, какъ въ русской Малороссіи, но и языкомъ официальнымъ. Имъ пользуется администрація и судъ въ своихъ сношеніяхъ съ украинскимъ населеніемъ, на немъ ведется преподаваніе въ низшей и средней школахъ украинской части Галиціи, на немъ читаютъ свои лекціи и нѣкоторые профессора львовскаго университета. Было бы, конечно, до крайности странно, еслибы русскою властью галицкіе малороссы были лишены тѣхъ правъ на свободное національное развитіе и, въ частности, на употребленіе своего роднаго языка, какія та же власть обезпечила бы галицкимъ и всѣмъ другимъ полякамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы, пожалуй, не менѣе, а еще болѣе странно, еслибы такія права оказались предоставленными галицкимъ малороссамъ и несуществующими для подольскихъ, волинскихъ, кіевскихъ, полтавскихъ и другихъ малороссовъ, живущихъ

¹⁾ Тамже, с. 7.

въ предѣлахъ русскаго государства. И тѣ же самыя соображенія примѣнимы не къ одному только вопросу о правахъ мѣстнаго языка. Украинское населеніе Галиціи, какъ и польское ея населеніе, привыкло уже жить въ рамкахъ конституціоннаго строя, а у насъ, какъ извѣстно, „слава Богу, нѣтъ конституціи“. Отмѣна этого строя для украинскаго населенія Галиціи, съ сохраненіемъ его для польскаго, въ свою очередь явилась бы до-нельзя странной и горькой обидой для перваго изъ нихъ. Но не трудно представить себѣ, до какой степени немыслимо ни сохраненіе этого строя для однихъ лишь галицкихъ украинцевъ, ни установленіе его въ Россіи только для малороссовъ. Такимъ образомъ борьба за Галицію, не говоря уже объ овладѣніи ею, неизбѣжно обостряетъ постановку украинскаго вопроса внутри Россіи и выдвигаетъ на очередь рядъ другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ нашей внутренней жизни.

Есть, правда, люди, которые находятъ возможнымъ и въ самой Галиціи въ настоящее время дѣйствовать такъ, какъ будто даже въ ней украинскаго вопроса вовсе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, онъ является лишь порожденіемъ фантазіи ничтожной кучки людей. „Группа лицъ — сообщалось въ телеграммѣ, напечатанной недавно въ петербургскихъ газетахъ, — возбудила ходатайство объ изданіи въ Галиціи русской патріотической газеты для развитія основъ православія и русской государственности“¹⁾. Одновременно съ этимъ въ мелкой прессѣ появилось сообщеніе, будто гдѣ-то возникъ вопросъ о низложеніи галицкаго униатскаго митрополита и вопросъ этотъ предполагается разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, „тѣмъ болѣе, что русскіе церковные законы не признаютъ униі“²⁾. По существу къ такого рода проектамъ трудно, конечно, относиться серьезно. Русская газета въ Галиціи, подавляющая масса населенія которой не понимаетъ русскаго литературнаго языка и вообще, надо думать, явилась бы предпріятіемъ мертворожденнымъ, а предположенное направленіе этой газеты, предназначенной для населенія, принадлежащаго къ униатской церкви и привыкшаго къ конституціоннымъ порядкамъ, способно еще болѣе обезпечить такую мертворожденность. Немногимъ болѣе серьезно и предположеніе не признавать униі въ странѣ, главная масса малорусскаго населенія которой принадлежитъ какъ разъ къ греко-униатской церкви. Но, если въ существѣ своемъ приведенные проекты и не особенно серьезны, они не лишены все-таки извѣстнаго симптоматическаго значенія. Въ нихъ ясно проглядываетъ стремленіе разсматривать, по крайней мѣрѣ, Восточную Галицію, населенную по преимуществу малороссами, какъ русскую въ сущности область, ея особенности — какъ нѣчто случайное и безъ

1) „Рѣчь“, 24 августа.

2) „Бирж. Вѣдомости“, 24-го августа.

особаго труда исправимое, ея быть—какъ легко поддающійся слиянію съ современнымъ общимъ русскимъ бытомъ. И такое стремленіе, надо сознаться, вполне гармонируетъ съ установившимся въ правящихъ кругахъ Россіи отношеніемъ къ національной малорусской культурѣ, отношеніемъ, только что наглядно иллюстрированнымъ указанными выше случаями и опредѣляющимъ для русскихъ украинцевъ положеніе своего рода гражданъ второго разряда, обязанныхъ принимать на свои плечи государственныя тяготы, но не пользующихся возможностью и правомъ безпрепятственно удовлетворять свои національно-культурныя потребности.

Въ этомъ положеніи гражданъ второго разряда находится въ Россіи много народностей, но ни одна изъ нихъ не ощущаетъ его тяжесть въ такой мѣрѣ, какъ народность еврейская. Говоря о положеніи евреевъ въ Россіи, приходится говорить о пренебреженіи не только къ національнымъ, но и къ самымъ элементарнымъ гражданскимъ и человѣческимъ ихъ правамъ. И опять-таки и для евреевъ война и всѣ связанныя съ нею событія еще болѣе увеличили тяжесть ихъ положенія и еще болѣе обострили сознаніе этой тяжести. Наравнѣ со всѣми русскими подданными, застигнутыми объявленіемъ войны въ Германіи и Австріи, и русскіе евреи, находившіеся тамъ, испытали всѣ ужасы бѣгства изъ враждебныхъ странъ, но въ то время, какъ всѣ другіе бѣглецы, добравшись до предѣловъ Россіи, могли чувствовать себя болѣе или менѣе спокойно, евреи на родинѣ встрѣтились съ правилами о чертѣ осѣдности и объ отсутствіи права жительства внѣ этой черты. Когда населеніе бѣжало изъ занятыхъ нѣмцами пограничныхъ городовъ и мѣстечекъ, бѣглецы другихъ національностей могли направлять свой путь, куда имъ было угодно, могли искать себѣ прибіжища всюду, гдѣ только позволяли имъ обстоятельства и средства, но евреямъ и въ этомъ бѣгствѣ поперекъ дороги стояли тѣ же правила о чертѣ осѣдности. Дѣти и юноши, вынужденные покинуть закрытыя по обстоятельствамъ военнаго времени учебныя заведенія, могутъ продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ мѣстностей. Но дѣти евреевъ не могутъ этого сдѣлать: имъ путь въ другія учебныя заведенія загороженъ процентной нормой. Благодаря этой нормѣ значительное количество еврейской молодежи училось за границей въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вынужденная теперь покинуть ихъ, эта молодежь не можетъ найти себѣ доступа въ русскія заведенія въ силу той же процентной нормы. Евреи несутъ воинскую повинность въ Россіи и сотни тысячъ ихъ вступили сейчасъ въ ряды русской арміи, сражающейся съ врагомъ. Но тѣ еврейскія семьи, которыя живутъ внѣ черты осѣдности благодаря правамъ своего главы, съ уходомъ его въ армію теряютъ право жительства и должны выселяться въ „черту“.

Кое-что въ этомъ положеніи, правда, смягчено. Прибывающимъ

изъ-за границы евреямъ разрѣшено на нѣкоторое, не особенно продолжительное, время останавливаться въ Петербургѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ допущены были и кое-какія другія частныя послабленія въ правилахъ о чертѣ осѣдлости. Еврейскихъ дѣтей, учившихся въ закрытыхъ по обстоятельствамъ военного времени заведеніяхъ, циркуляромъ министра народного просвѣщенія разрѣшено принимать въ учебныя заведенія другіихъ Городовъ, „хотя бы въ нихъ по существующей нормѣ и не было вакансій для учениковъ-евреевъ, но съ тѣмъ, чтобы ихъ пріемъ отнюдь не былъ сопряженъ съ нарушеніемъ интересовъ христіанскихъ дѣтей“. Наконецъ, еврейскимъ семьямъ, проживавшимъ внѣ черты осѣдлости по праву ихъ главъ, теперь призванныхъ въ армию, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшено „оставаться въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства впредь до окончанія военныхъ дѣйствій и особыхъ указаній министерства“.

Все это однако—лишь частныя смягченія, нисколько не колеблющія и не ослабляющія того факта, что евреи въ Россіи находятся въ положеніи гражданъ, своею жизнью защищающихъ отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ въ немъ ряда элементарныхъ правъ, вплоть до права повсемѣстнаго жительства и права получить образованіе. А между тѣмъ необходимость защищать отечество не только встрѣчена была массами еврейскаго населенія безропотно, но и вызвала среди нихъ энтузіазмъ, перекинувшійся даже за океанъ, въ Америку. „Американскія газеты—передавала недавно телеграмма изъ Лондона—сообщаютъ о демонстраціи русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ въ пользу Россіи. Тысячи человекъ составили процессію и шли съ пѣніемъ русскаго народнаго гимна“¹⁾. Въ другой телеграммѣ изъ Лондона сообщается, что „извѣстный еврейскій писатель Шоломъ-Ашъ опубликовалъ въ англійской и американской печати статью, въ которой онъ, обращаясь къ патриотизму русскихъ евреевъ, живущихъ въ Англии и Америкѣ, приглашаетъ ихъ бороться вмѣстѣ съ Россіей противъ германскаго милитаризма“²⁾. „Еслибы вы—писалъ одинъ русскій еврей въ своемъ письмѣ въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“—побывали среди евреевъ, среди еврейской молодежи, призванной на войну, въ ея семьяхъ, васъ бы глубока поразила та строгая серьезность, съ которой люди шли на защиту Россіи. Всѣ были полны единодушія и глубоко отъ мала до велика были преисполнены чувства родины, которая требуетъ ихъ на защиту. И вотъ на этой-то почвѣ—прибавлялъ авторъ письма—возникла упорная вѣра, что теперь кончились всѣ мытарства еврейскаго народа, что изъ гонимаго, нетерпимаго парія онъ превратится въ полноправнаго и равнаго сына родины. Люди съ

1) „Р. Вѣдомости“, 22 августа.

2) „Рѣчь“, 22 августа.

непоколебимой вѣрой со дня на день ждутъ, что вотъ-вотъ раздастся цѣлительное слово, которое всѣ раны залечить, смоетъ всѣ обиды и оскорбленія“... 1). Такого слова ждали не только сами евреи. „Неужели—спрашивали недѣли черезъ три послѣ начала войны „Русскія Вѣдомости“—возможно допустить, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, не были ободрены и успокоены сознаниемъ, что ихъ родные и близкіе найдутъ въ ней мѣсто въ качествѣ полноправныхъ гражданъ? Неужели равенство передъ лицомъ смерти будетъ уживаться съ тяжелымъ неравенствомъ въ жизни“? 2). Увы, пока дѣйствительность даетъ на эти вопросы утвердительные отвѣты.

Я взялъ лишь немногіе изъ фактовъ текущаго дня, обрисовывающихъ положеніе національнаго вопроса въ Россіи. Но, думается, и этихъ немногихъ фактовъ вполне достаточно, чтобы видѣть, можетъ ли данный вопросъ въ какой бы то ни было формѣ быть сведенъ къ „борьбѣ съ германизмомъ“. Достаточно ихъ, думается, и для другого—чтобы наглядно выяснить, слѣдуетъ ли въ виду внѣшнихъ осложненій отсрочивать разрѣшеніе этого внутренняго вопроса нашей жизни. Есть, правда, и такая точка зрѣнія, съ которой указывать въ моментъ внѣшней борьбы на неудовлетворенныя внутреннія потребности значить заниматься „торговлей“ и „вымогательствомъ“. Но вѣдь абсурдность такой точки зрѣнія слишкомъ ясна, чтобы стоило подробно ее доказывать. Если начальникъ военнаго отряда во время битвы требуетъ нужныхъ для нея припасовъ, только лишенный разума человѣкъ можетъ обвинить его въ вымогательствѣ. Если граждане государства въ моментъ напряженной внѣшней борьбы заботятся о внутренней крѣпости государственнаго организма, они дѣлаютъ дѣло, нужное, между прочимъ, и въ интересахъ успѣха этой борьбы. И чѣмъ напряженнѣе борьба, тѣмъ важнѣе это дѣло, тѣмъ внимательнѣе и серьезнѣе надо его дѣлать, тѣмъ больше надо съ нимъ торопиться.

В. Мякотинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1914. Стр. 100. Ц. 60 к.

Н. Н. Русовъ. Повѣсти. М. 1914. Стр. 204. Ц. 1 р.

Сочиненія г. Русова заставляютъ вспомнить парадоксъ Льва Толстого о книгопечатаніи, какъ могущественномъ орудіи невѣжества. Не въ томъ бѣда, что дарованіе г. Русова не велико —

1) «Р. Вѣдомости», 3 августа.

2) «Р. Вѣдомости», 12 августа.